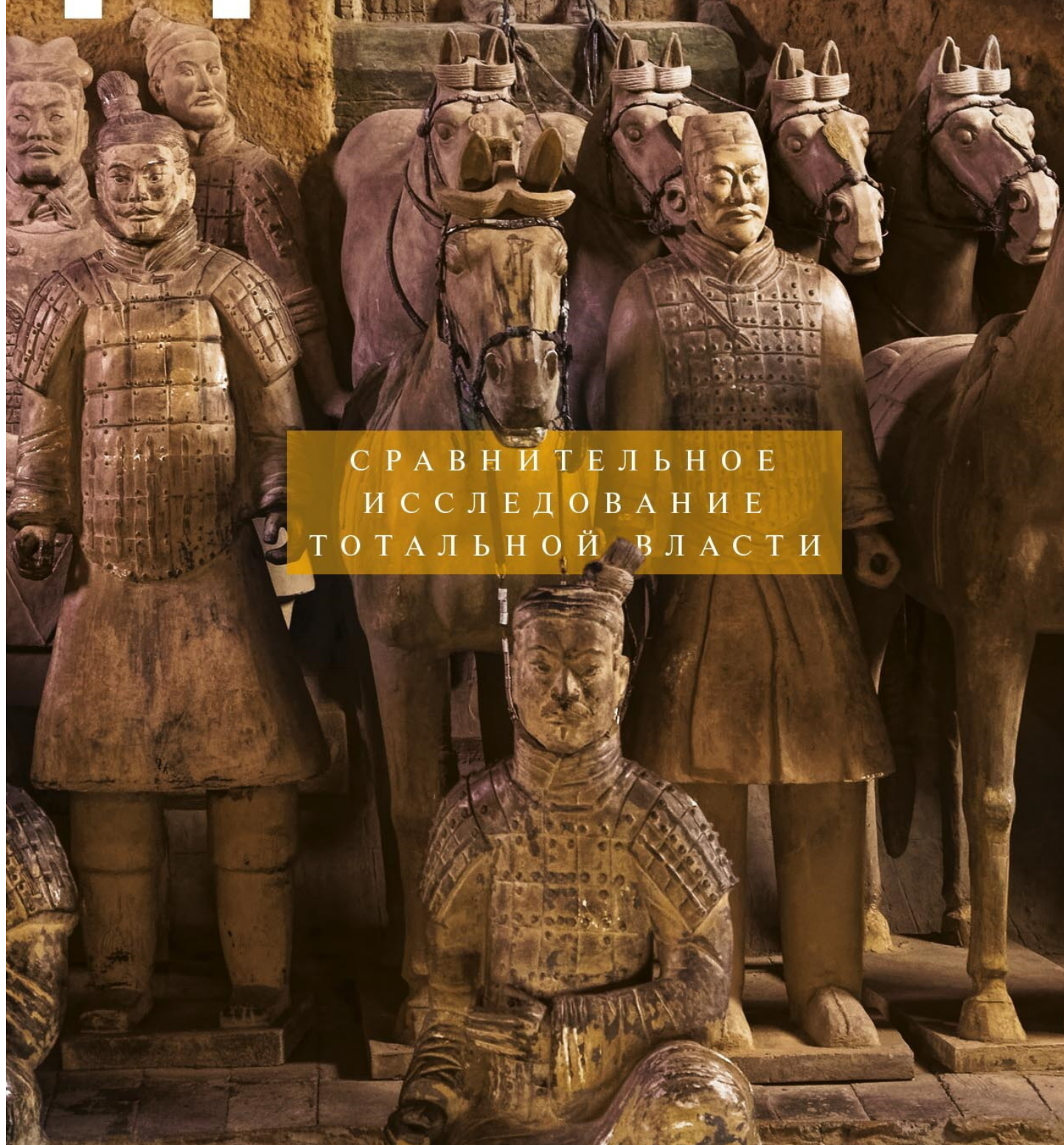

КАРЛ ВИТТФОГЕЛЬ

ДВОСТОРОЧНЫЙ ДЕСПОТИЗМ

СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ
ТОТАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Карл Август Виттфогель

Восточный деспотизм.
Сравнительное исследование
тотальной власти

«Центрполиграф»

1957

УДК 911.3.001
ББК 65.04

Виттфогель К.

Восточный деспотизм. Сравнительное исследование тотальной власти / К. Виттфогель — «Центрполиграф», 1957

ISBN 978-5-9524-5763-8

К.А. Виттфогель, выдающийся ученый-синолог, в своей книге рассматривает системы, власти характерные для восточных деспотий и других государств, в которых применялись азиатские способы производства. Анализируя методы ведения сельского хозяйства в Китае, на Ближнем Востоке, в России, империях майя и инков, автор указывает на особое значение ирригации, осуществление которой невозможно без привлечения большого количества людей для возведения гидравлических сооружений — каналов, плотин, водохранилищ и пр. Виттфогель называет такие общественные системы «гидравлическими империями» и, сравнивая их с современными ему социалистическими государствами, делает вывод, что коммунистический тоталитаризм является наиболее деспотичным и пагубным для развития общества способом правления. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 911.3.001

ББК 65.04

ISBN 978-5-9524-5763-8

© Виттфогель К., 1957

© Центрполиграф, 1957

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Глава 1	15
Изменяющийся человек в изменяющейся природе	15
Историческое место гидравлического общества	16
Природное окружение	17
Существует ли необходимость использования гидравлического потенциала?	20
Глава 2	24
Разделение труда в гидравлическом сельском хозяйстве	25
Сложные водные сооружения и тяжелая промышленность	29
Астрономические наблюдения и составление календарей – важнейшие функции гидравлического режима	30
Другие сооружения, возводившиеся в гидравлических обществах	31
Руководители гидравлического общества – великие строители	39
Другие крупные предприятия, которыми также управляло гидравлическое правительство	42
Подлинный и специфический тип административного режима	45
Глава 3	46
Неправительственные силы, конкурирующие с государством за социальное лидерство	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Карл Август Виттфогель
Восточный деспотизм. Сравнительное
исследование тотальной власти

KARL AUGUST WITTFOGEL

Doriental Despotism

A COMPARATIVE STUDY OF TOTAL POWER

Москва

ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление,

ЗАО «Центрполиграф», 2022

Предисловие

Данное исследование освещает два аспекта восточного деспотизма: не западную, полуправляемую систему власти и коммунистический тоталитаризм как безраздельно административный и гораздо более деспотичный вариант этой системы.

Третий аспект, который изучен гораздо слабее, но значительно сильнее влияет на результат, заключается в использовании крупных структурных концепций, которые помогают выявить образцы социальной структуры, а также перемен в обществе.

Впрочем, этот метод совсем не нов, его использовали еще Аристотель, Макиавелли и физиократы. Он позволил получить впечатляющие результаты, когда Адам Смит и его последователи создали систему экономики, в которой устройство ремесленной мастерской и рынка рассматривалось в контексте всеобщей экономики и социального порядка.

За этим последовали годы забвения. Но в наши дни этот метод снова оказался востребованным. Для понимания современной национальной и международной экономики необходимы всеобъемлющие аналитические инструменты. Без них не обойтись и в том случае, если мы хотим составить себе правильное представление о сложных операциях коммунистического мира. Сейчас экономисты заговорили о новом типе экономики – макроэкономике. А социальные ученые, представляющие другие научные дисциплины, не меньше экономистов заинтересованы в использовании методов исследования, которые можно назвать макроаналитическими.

Макроэкономический метод обещает стать самым многообещающим инструментом познания в эпоху нынешнего интеллектуального кризиса. Но он поможет нам только в том случае, если мы подвергнем эмпирическую реальность исследованию во всей ее геоисторической полноте и к тому же включим в арсенал наших средств крупные проверенные концепции наших интеллектуальных предшественников. Попытки объяснить такие явления коммунистического тоталитаризма, как коллективное лидерство и самодержавие, экономика мощи и экономика выживания, самовоспроизводство и самоуничтожение, принесут больше вреда, чем пользы, если мы будем опираться в основном на опыт многоядерных обществ и оставим без внимания единственный прецедент длительного существования тотальной власти – восточный деспотизм. Попытки объяснить аграрные кризисы в СССР и коммунистическом Китае вряд ли будут успешными, если мы будем рассматривать советское сельское хозяйство с позиций американского, а китайское сельское хозяйство – с позиций советского. Такие попытки являются макроаналитическими по своим намерениям, но мезоаналитическими по сути. Обобщения в этом случае делаются на основе ограниченной и неадекватной эмпирической базы.

Настоящий же макроаналитик займется тщательным изучением теоретического наследия в этой области, точно так же, как это делает инженер, стремящийся использовать все креативные возможности, предоставляющиеся ему на земле, на дне океана и в космосе. Ученый, который полагает, что должен изобретать новые методы исследования, может войти в ситуацию, которую необходимо изучить с пустыми мозгами, – и выйдет из нее с такими же. Если же правильно распорядиться данными, которые у нас уже имеются, то потенциал крупной концепции окажется поистине гигантским. Опираясь на идеи и опыт прошлого, мы получим все шансы развить их с помощью новых эмпирических данных, которые, скорее всего, нам откроются.

Макроаналитические принципы руководили мной, когда в начале тридцатых годов я попытался выявить особенности китайской экономики, являющейся частью особого китайского (и «азиатского») общества. Они руководили мной и тогда, когда в начале сороковых годов я надеялся установить, чем отличались китайские завоевательные династии от обычных. Я руководствовался этими принципами и в ту пору, когда пытался выявить различия между

восточным деспотизмом, многоядерными обществами Запада (и Японии) и коммунистическим, а также фашистским тоталитаризмом. Те же самые принципы продолжали руководить мной и в то время, когда я занялся сравнительным исследованием тотальной и тоталитарной власти в наши дни.

Исследование природы бюрократического тоталитаризма по определению должно было столкнуться с серьезными препятствиями. Среди тех, кто помог мне их преодолеть, я хочу особо отметить Джорджа И. Тейлора, директора Института Дальнего Востока и России при Вашингтонском университете, который никогда не сомневался в необходимости моего труда и поддержал меня, когда уверенность в том, что я смогу его завершить, меня покинула. Моя жена и ближайший сотрудник Эстер Голдфренк помогала мне искать научную истину и бороться за человеческие ценности.

Именно вера в эти ценности и привела меня в гитлеровский концлагерь. Мои последние мысли обращаются к тем, кто, подобно мне, сумел пережить этот ад тотального террора. Среди них были и такие люди, которые надеялись, что придет время, когда из заключенных и жертв они превратятся в охранников и хозяев режима. Эти люди возмущались, но не тоталитарными средствами принуждения, а тем, что они сами подвергались воздействию этих страшных средств.

Другие люди реагировали по-иному. Они просили меня, что, если мне когда-нибудь представится такая возможность, объяснить всем, кто согласится меня выслушать, что тоталитарное правление в любой форме совершенно бесчеловечно. И в течение многих лет эти просьбы вдохновляли меня на исследование, которое поможет людям лучше понять природу тоталитарной власти.

Карл А. Виттфогель

Введение

1

Когда в XVI и XVII веках, как следствие коммерческой промышленной революции, европейская торговля и власть дошли до самых отдаленных уголков земного шара, несколько проницательных западных ученых и путешественников сделали интеллектуальное открытие, не уступающее по значимости великим географическим открытиям того же периода. Сравнивая цивилизации Ближнего Востока, Индии и Китая, они обнаружили сочетание черт, которых не было ни в классической Античности, ни в средневековой и современной Европе. И тогда классические экономисты заговорили о специфическом восточном или азиатском обществе.

Общей чертой всех восточных обществ является деспотическая мощь их политической власти. Конечно же, тиранические правительства существовали и в Европе, а рост капиталистического порядка совпал с появлением абсолютистских государств, однако наблюдатели, обладавшие критическим складом ума, отмечали, что восточный абсолютизм был, несомненно, более всеобъемлющим и более деспотичным, чем западный. Они назвали восточный деспотизм самой тяжелой формой тоталитарной власти.

Люди, занимавшиеся изучением методов управления, вслед за Монтескье, обращали внимание на то, как восточный деспотизм влиял на жизнь людей, а ученые, исследовавшие экономику, делали упор на его специфические черты, которые проявлялись в делах управления собственностью. Классических экономистов в особенности поражали крупные водные проекты, связанные с ирригацией и способами связи. И они отмечали, что практически повсюду на Востоке правительство было крупнейшим землевладельцем в своей стране.

Эти очень ценные замечания могли бы стать отправным пунктом для систематического и сравнительного исследования тоталитарной власти. Но такого исследования проведено не было. Почему? Само по себе нежелание ученых, занимавшихся исследованием социальной жизни, было очень странным. Но их можно легко понять, если рассмотреть изменения, которые произошли в XIX веке в общих обстоятельствах западной жизни. Когда Бернье описывал свое пребывание на Ближнем Востоке и в Индии Великих Моголов и когда Монтескье писал свой «Дух законов», в Европе господствовал абсолютизм. Но к середине XIX века почти во всех промышленно развитых странах появились репрезентативные правительства. И в ту пору социальная наука обратилась к изучению тех проблем, которые казались ученым более серьезными.

2

Счастливейший век. Счастливейший, несмотря на все те страдания, которые распространение промышленности принесло тем массам мужчин и женщин, которые не принадлежали к привилегированным классам. Потрясенный их ужасной жизнью, Джон Стюарт Милль в 1852 году заявил, что «ограничения, накладываемые коммунизмом, можно считать свободой по сравнению с современным положением большей части человеческой расы». Тем не менее он заявлял, что современная промышленность, основанная на системе частной собственности, сумеет удовлетворить запросы человечества, не перемолов его при этом в «покорную массу», которая будет мыслить и действовать по единому образцу.

Это было счастливейшее время. Его дети, критикующие всех и вся, могли бороться с проявлениями деспотизма привилегий и власти, поскольку им не пришлось жить в годы «всеобщего

рабства». И образ абсолютной власти был от них столь далек, что они не испытывали никакой потребности его изучать.

Некоторые ученые, вроде Макса Вебера, исследовали, но не слишком старательно, некоторые основные аспекты восточного способа управления и восточной бюрократии. Но в целом замечание, сделанное Бери в конце периода либерализма, соответствовало истине: изучением особенностей абсолютизма с помощью сравнительного и детального анализа не занимался практически никто.

Счастлирое время, полное оптимизма, веры в то, что восходящее солнце цивилизации рассеет последние проявления деспотизма, которые закрывали человечеству путь к прогрессу.

3

Однако яркий полдень не оправдал обещаний утренней зари. Политические и социальные потрясения, значительно превосходившие по силе те, которые случались в колыбели современной науки, заставили людей понять, что их завоевания вовсе не стабильны и могут быть с легкостью разрушены. Тоталитаризм, вместо того чтобы послушно улетучиться, распространился, словно опасное и агрессивное заболевание. Именно это заставило человечество вспомнить о своем прошлом опыте – самых крайних формах «деспотического» правления. Именно это и позволило провести новый, более глубокий анализ восточного, или, как я предпочитаю его называть, гидравлического общества.

4

В течение трех десятилетий я изучал институт восточного деспотизма и довольно долго именовал его восточным обществом. Но чем дальше я продвигался в своей работе, тем сильнее понимал, что надо присвоить этому явлению новое название. Я стал называть крестьянскую экономику, которая удовлетворялась незначительными ирригационными сооружениями, гидроагрикультурой, а ту, что включала крупномасштабные работы, управляемые правительством, а также борьбу с наводнениями, гидравлическим (ирригационным) сельским хозяйством. Вскоре я пришел к заключению, что определения «гидравлическое общество» и «гидравлическая цивилизация» лучше отражают особенности порядка, который я исследовал. Новое название, которое делает основной упор на человеческие усилия, а не на географию, ничуть не хуже терминов «индустриальное общество» и «феодалное общество». К тому же оно помогает включить в наше исследование более развитые аграрные цивилизации Америки, существовавшие до Колумба, а также их гидравлические параллели в Восточной Африке и на островах Тихого океана, особенно на Гавайях. Подчеркивая ведущую роль правительства, термин «гидравлический», как я его определяю, привлекает внимание к управленческому и бюрократическому характеру этих цивилизаций.

5

Настоящая книга выходит далеко за рамки предыдущих исследований восточного общества. Ниже я попытаюсь дать систематическое описание гидравлического общества в аридных, полуаридных (засушливых) и, особенно, влажных регионах. Я также намереваюсь продемонстрировать, как основные аспекты гидравлического общества сплетаются в энергично функционирующую систему.

Эти системы включают в себя геоинституционные узлы, которые похожи на индустриальное общество. Центральные области оказывают решающее влияние на условия, существую-

щие в крупных промежуточных и периферийных областях. Во многих случаях эти периферийные области политически связаны с центральными, но могут существовать и самостоятельно. Впрочем, организационные и стяжательские институты агродеспотических стран могут существовать и без гидравлических институтов, которые, если судить по имеющимся у нас данным, отвечают за возникновение всех исторически значимых зон аграрного деспотизма. Понимание связей, существующих между центром и периферией гидравлического общества (на эту особенность первые его исследователи не обращали практически никакого внимания), жизненно необходимо для постижения истории Западной Римской империи, поздней Византии, цивилизации индейцев майя, а также царской России, возникшей после монгольского владычества.

Говоря о частной собственности, надо отметить, что первых институционалистов вполне удовлетворяли заявления о том, что восточное государство контролирует стратегически значимые средства производства и, что важнее всего, земли, пригодные для обработки. Но реальная ситуация гораздо сложнее и, с точки зрения общественного лидерства, гораздо более тревожащая. История показывает, что во многих гидравлических сообществах существовала очень крупная активная (продуктивная) частная собственность; но она также показывает, что это не создавало угрозы для деспотичных режимов, поскольку владельцы этой собственности не были организованы и отличались политической импотенцией.

О частной собственности в целом было сказано слишком много, но слишком мало о сильной и слабой собственности, а также об условиях, порождающих обе эти формы. Анализ разных форм частной собственности в гидравлическом обществе помогает определить границы небюрократической (и бюрократической) частной собственности в странах восточного деспотизма. Его результаты противоречат вере в то, что всякая форма государственного благотворительного планирования способствует доминированию частной собственности. А это условие у современных социологов вызывает сильное отвращение.

Но ведь существует еще и проблема классов. Ричард Джонс и Джон Стюарт Милль утверждали, что в восточном обществе чиновники имели такие же крупные доходы и капиталы, как и владельцы частной собственности на землю в странах Запада и капиталисты. И они были правы. Но эти ученые высказали свои замечания как бы между прочим, без указания на то, что управленческие бюрократы в агродеспотических странах принадлежали к правящему классу. Поэтому они не подвергают сомнению принятую всеми концепцию класса, главным критерием которой является разнообразие видов (активной) частной собственности.

Данное исследование анализирует образцы классов, лидерам которого, а вовсе не частным собственникам и предпринимателям, принадлежит власть в деспотическом государстве. Эта процедура, помимо определения состава правящего класса, помогает нам понять такие явления, как землевладение, капитализм, дворянство и гильдия. Она объясняет, почему в гидравлическом обществе существует бюрократическое землевладение, бюрократический капитализм и бюрократические помещики. Она объясняет, почему в таких обществах профессиональные организации, хотя и имевшие некоторые общие черты с гильдиями средневековой Европы, с социальной точки зрения были на них совсем не похожи. Это также объясняет, почему в таких обществах всегда господствует самодержавное правление. И хотя закон об уменьшении доходов управленческого аппарата определяет нижний предел бюрократической пирамиды, характер ее вершины определяется кумулятивной тенденцией к неограниченной власти.

6

Человек, проповедующий новые научные идеи, неизбежно вынужден отвергать старые, но ему не избежать критики со стороны тех, кто их придерживается. И нередко это противо-

поставление проливает новый свет на всю проблему. Так случилось и с теорией восточного (или гидравлического) общества.

Читатель не будет удивлен, узнав, что эта теория вызвала жестокую критику со стороны новой тотальной управленческой бюрократии, которая, называя себя коммунистической, контролировала значительную часть мирового населения. Советские идеологи, которые в 1931 году объявили концепцию восточного общества и «функциональной» правящей бюрократии политически несостоятельной, цинично признавали, что их отрицание было порождено политическими интересами, а вовсе не научными исследованиями. В 1950 году ученые, занимавшиеся в Советском Союзе исследованием Востока, назвали своим самым важным достижением «разгром печально знаменитой теории азиатского способа производства».

Термин «азиатский способ производства» является примером тех проблем, с которыми столкнулись коммунисты, пожелавшие опровергнуть теорию восточного общества. Чтобы понять, какого рода были эти трудности, следует вспомнить, что Маркс не признавал ценностей западного мира, институты которого, основанные на частной собственности, он хотел уничтожить. В отличие от советской концепции партизанщины в искусстве и науке Маркс называл «грехом против науки» и «убожеством» любой метод, который подчинял научную объективность внешним интересам, в том числе и интересам рабочего класса. И, следуя за Ричардом Джонсом и Джоном Стюартом Миллем, он в начале 50-х годов XIX века начал использовать концепцию специфического азиатского или восточного общества. Выделяя в особенности азиатскую систему экономики, Маркс придерживался азиатской концепции до самой своей смерти, иными словами, большую часть своей взрослой жизни. Энгельс, несмотря на временные разногласия, до конца жизни разделял Марксову версию этой концепции. Однако ни Маркс, ни Энгельс так и не дали четкого определения того, что представляет собой маргинальное восточное общество, но начиная с 1853 года они оба подчеркивали «полуазиатский» характер общества в царской России и восточный деспотический характер его правления.

Ленин одобрительно отзывался о Марксовой концепции специфического азиатского способа производства сначала в 1894-м, а потом – в 1914 году. Вслед за Марксом и Энгельсом он признавал значение «азиатских» институтов для царской России, общество которой он называл «полуазиатским», а правительство – деспотичным.

7

Я ничего не знал о политическом применении сравнительных исследований тоталитарного способа управления, когда, зимой 1922/23 года, под влиянием Макса Вебера, начал исследовать особенности гидравлического общества и способа управления страной. Я ничего не слышал об этой концепции и в 1924 году, когда, ссылаясь на Маркса и Вебера, отмечал, что «азиатское общество» формируется под влиянием бюрократического деспотического государства. Я еще не знал тогда, что, делая свои выводы из азиатской концепции Маркса, от которой он сам отказался в 1926 году, используя Марксовы социально-экономические критерии, писал, что развитие Китая во второй половине первого тысячелетия до н. э. породило официальную административную структуру, возглавляемую императором. Император обладал абсолютной властью, а правящий класс в Китае, Индии и Египте представлял собой могущественную гидравлическую бюрократию. Я разрабатывал эту идею в 1926, 1927, 1929 и 1931 годах, «вдохновленный идеей Маркса о познании объективной истины». В 1932 году один советский критик моих работ заявил, что не может поверить в то, что я стремлюсь отыскать объективную истину. Одновременно советские издатели отказались публиковать мой анализ азиатского общества в целом и китайского – в частности.

В 1930-х годах я постепенно отказался от надежд на то, что национализация всех основных средств производства в СССР приведет к народному контролю над правительством и

созданию бесклассового общества. Углубление моего понимания характера советского общества проложило путь к последующим исследованиям структуры и идеологии бюрократического деспотизма. Более тщательное изучение марксистско-ленинской концепции восточного общества показало мне, что Маркс не сам создал «азиатскую» концепцию, а обнаружил ее уже готовой в трудах классических экономистов. Я понял, что, хотя Маркс и принял классический взгляд на многие очень важные особенности этого общества, он не смог вывести заключения, которое неизбежно вытекало из его теории, что в условиях азиатского способа производства руководящим классом становится бюрократия, управляющая сельским хозяйством.

Противоречивое отношение Ленина к «азиатской» системе еще более красноречиво. В 1906–1907 годах Ленин утверждал, что следующая революция в России, вместо создания социалистического общества, может привести к «реставрации азиатчины». Но когда разразилась Первая мировая война, предоставившая новые возможности для революционного захвата власти, он отказался от азиатской концепции, которую, с определенными оговорками, поддерживал целых двадцать лет. Обсуждая взгляды Маркса на государство, но не приводя его идей об азиатском государстве и восточном деспотизме царской России, Ленин написал, вероятно, самую бесчестную книгу за всю свою карьеру, «Государство и революция». Постепенный отказ от азиатской концепции в СССР, который в 1938 году завершился перефразированием выдающегося высказывания Маркса об азиатском способе производства, стал логическим выводом из ленинского отказа от азиатской концепции накануне Октябрьской революции.

8

Кампания, развернутая против азиатской концепции, показала, что ведущие умы коммунистического лагеря не способны подкрепить свой отказ от нее убедительными аргументами. Это, в свою очередь, объясняет те сомнительные и в целом негативные методы, с помощью которых друзья коммунистического тоталитаризма в некоммунистическом мире борются с этой концепцией. Непосвященных эти методы, включающие в себя искажения фактов, смещение акцентов, а также отказ от дискуссии, сильно смущают. А посвященным они демонстрируют научную слабость самой мощной атаки на теорию восточного (гидравлического) общества.

9

Картина гидравлического общества, приводимая в этом исследовании, включает в себя определенные концепции типов общества и их развития. Вне всякого сомнения, в личной истории человека существуют структура и связи. Все люди основывают свое поведение на убеждении в том, что законы прошлого тесно связаны с законом сегодняшнего и грядущего дня, а история человечества имеет свою структуру и связь. Отдельные люди и группы людей любят поговорить об установленных единствах, которые действуют в настоящем и которые, как они надеются, будут действовать или заметно изменятся в будущем. Агностическое отрицание проблемы развития поэтому перестанет внушать доверие, стоит только его четко обозначить.

Однако абсурдность отрицания развития никак не может оправдать ту теорию исторических перемен, которая утверждает, что развитие общества происходит нелинейно, неотвратимо и неизбежно прогрессивно. Идея Маркса и Энгельса о том, что азиатское общество представляет собой отдельное от других стационарное образование, демонстрирует идейную неискренность тех, кто, от имени Маркса, защищает идею однообразной конструкции. А сравнительное исследование общественных структур демонстрирует эмпирическую непригодность их позиции. Подобное исследование высвечивает сложный социально-исторический образец, который включает в себя стагнацию, развитие, различные перемены и регрессию, а также про-

гресс. Выявляя эти возможности, а также препятствия в открытых исторических ситуациях, эта концепция позволяет вооружить человека мощной реальной ответственностью, для которой в однообразной схеме, с ее неизбежным фатализмом, не находится никакого места.

10

В соответствии с приведенными выше аргументами я начал свое исследование с описания социального порядка, частью которого является агроуправленческий деспотизм, и подчеркнул особенность этого порядка, присвоив ему название «гидравлическое общество». Тем не менее я применяю и традиционные названия «восточное общество» и «азиатское общество», в качестве синонимов «гидравлического» общества. Все эти определения совершенно равнозначны. Однако я отдаю первенство старой формулировке, которую вынес в заглавие книги, «Восточный деспотизм», чтобы, с одной стороны, подчеркнуть глубину моей основной концепции, а с другой – чтобы показать, что большинство крупных гидравлических цивилизаций существует в тех местах, которые, по обычаю, называют Востоком. Первоначально я намеревался озаглавить эту книгу «Восточное общество».

Сохранение старой номенклатуры окажется для нас полезным, когда речь пойдет о современном развитии. И хотя в некоторых регионах Латинской Америки сохранились лишь остатки гидравлического общества, во многих странах Востока следы прежнего порядка еще очень хорошо заметны. Поэтому главной проблемой этих регионов остается проблема переходного периода от гидравлического общества к современному.

Под каким влиянием и какими путями люди Востока избавляются от условий гидравлического общества, существовавшего в этих странах целое тысячелетие? Значение этого вопроса становится очевидным только тогда, когда мы поймем, что восточный деспотизм дробит небюрократические группы и слои, которые в феодальной Европе и Японии способствовали развитию коммерческого и промышленного общества. По-видимому, нигде гидравлическое общество не сможет пройти тот же путь без помощи извне. Именно по этой причине Маркс называл азиатское общество стационарным и верил, что британское правление в Индии сможет совершить «единственную социальную революцию в Азии», установив здесь неазиатское общество, основанное на частной собственности.

Однако события показали, что Маркс сильно преувеличил трансформирующую силу капиталистической экономики. Западное правление в Индии и других странах Востока создало новые возможности для свободного развития; но в конце эпохи западного колониализма и несмотря на создание парламентских правительств различного рода политические лидеры Востока все еще сильно привержены методам бюрократического управления, ибо они помогают сохранить чрезвычайно сильное государство и крайне слабый небюрократический и частный сектор общества.

11

В этом контексте определенные аспекты недавнего развития России заслуживают самого тщательного изучения. Маргинальная восточная цивилизация царской России находилась под сильным влиянием Запада, хотя Россия не была его колонией или полуколонией. Вестернизация России радикальным образом изменила ее политический и экономический климат, и весной 1917 года ее антитоталитарные силы получили уникальный шанс совершить антиазиатскую социальную революцию, которую Маркс в 1853 году ожидал увидеть в Индии. Но осенью 1917 года эти антитоталитарные силы были разгромлены большевиками, сторонниками нового тоталитарного порядка. Сторонники демократии потерпели поражение, потому что не смогли использовать тот демократический потенциал, который заключался во временно появившейся

для этого исторической возможности. С точки зрения личной свободы людей и социальной справедливости 1917 год, вероятно, стал самым судьбоносным годом в современной истории.

Интеллектуальные и политические лидеры некоммунистической Азии, которые утверждали, что верят в демократию, и которые, в большинстве своем, с уважением относились к Марксу, смогут выполнить свое историческое предназначение только в том случае, если изучат деспотическое наследие восточного мира лучше, чем Маркс. В свете русского опыта 1917 года они должны будут рассмотреть вопрос об «азиатской реставрации» не только на примере событий в России, но и в связи с современной ситуацией в Азии.

12

Хозяева современной тоталитарной сверхдержавы создали крупные интегрированные институты, которые, как они утверждают, Западу превзойти не удастся. Они генерируют крупные интегрированные идеи, которые, по их словам, Западу не создать. И они правы в одном – Запад не имеет тоталитарных систем интегрированной власти и идеологии. Благоприятное сочетание исторических событий помогло ему избежать чудовищных преобразований, которые парализуют поиск научной истины и социального развития. Но наши оппоненты ошибаются, утверждая, что мы неспособны к добровольному объединению, поскольку отвергаем дисциплину всеобщего (государственного) рабства. Они ошибаются, когда думают, что мы не способны создавать крупные и структурированные идеи, поскольку отрицаем догмы, навязанные государством.

Политическая свобода вовсе не предполагает отсутствия организованных действий, хотя наши враги были бы рады, если бы это было так. А интеллектуальная свобода не означает отсутствия объединенных идей. Но всеобъемлющие группы идей можно проверить лишь в условиях свободной дискуссии.

В недавнем прошлом ученые часто занимались исследованием деталей, поскольку принимали многие принципы жизни и мысли как нечто само собой разумеющееся. Увидев угрозу для этих принципов, они начали вспоминать, что современная мысль рассматривает природу и общество как интегрированные порядки, архитектуру которых они исследуют. Ньютоны, Монтескье, Адамы Смиты и Дарвины по-новому интерпретировали явления мира. Эти интерпретации были столь же спонтанными, как и согласованными, и столь же сильными, как и компетентными.

Нельзя бороться с тем, чего не существует. В кризисной ситуации любой теоретический вакуум, как и любой силовой вакуум, порождает беду. Нельзя позволять врагу поступать так, как ему заблагорассудится, в то время когда наша сторона обладает бесконечными резервами превосходящей его силы. Не может быть никакого оправдания тем, кто позволяет тоталитарным стратегам устраивать парады своих доктрин на территории, которая, по закону, принадлежит нам. Нельзя допустить, чтобы они выиграли битву идей с помощью дефолта.

Научное исследование имеет собственные законы. Но оно заслуживает привилегии быть свободным только в том случае, если, уходя корнями в наследие прошлого, без опаски смотрит в мир раздираемого конфликтами настоящего и храбро исчерпывает возможности открытого будущего.

Глава 1

Естественная среда гидравлического общества

Изменяющийся человек в изменяющейся природе

В противовес популярным представлениям о том, что природа никогда не меняется, породившим теории статического энвиронтализма и их столь же статические опровержения, природа изменяется очень сильно, когда человек, в ответ на простые или сложные исторические вызовы, коренным образом меняет свое техническое оснащение, социальную организацию и свои взгляды на то, что его окружает. Человеческое воздействие на среду, в которой он живет, не прекращается ни на минуту. Люди постоянно *изменяют эту среду, вводя в действие новые силы*, и это помогает им перейти на новый уровень действий. Достигим ли этот уровень и к чему это приведет, если человек сумеет на него подняться, зависит, во-первых, от институционального порядка, а во-вторых, от конечной цели его действий. Человеку доступны физический, химический и биологический миры. Таким образом, при одинаковых институциональных условиях разница заключается лишь в природных условиях, которые позволяют – или мешают – развивать новые формы технологии, существования и социального контроля.

Водопад интересовал примитивного человека очень мало – лишь как ориентир или объект поклонения. Когда же человек, ведущий оседлый образ жизни, развил промышленность до высокого механического уровня, он стал использовать энергию падающей воды. На берегах рек появилось много новых сооружений – водяных мельниц. Обнаружение технического потенциала, заключенного в угле, заставило человека исследовать недра, а водяные мельницы стали романтическими памятниками на измененном индустриальном ландшафте, в котором стали доминировать механизмы, использующие силу водяного пара.

Позже человек научился использовать энергию электричества, и снова его внимание обратилось на падающую воду. Но даже тогда, когда инженер XX века сооружал электростанцию на том самом месте, где раньше стояла мельница, снабжавшая энергией текстильную фабрику, он приводил в действие новые силы на старом месте. Природа обрела новую функцию и постепенно стала выглядеть по-другому.

Историческое место гидравлического общества

То, что справедливо для индустриального ландшафта, справедливо и для сельскохозяйственного. Гидравлический потенциал регионов, имеющих дефицит воды, можно использовать только при специфических исторических обстоятельствах. Вододефицитные регионы были известны человеку еще с незапамятных времен; но, пока он зависел от сбора трав, охоты и рыболовства, нужды в плановом контроле над водой у него не было. Только научившись использовать репродуктивные процессы растений, он начал оценивать, какие возможности для сельского хозяйства существуют в тех аридных регионах, где имеются не только атмосферные осадки, но и другие водные ресурсы. И он начал использовать новые качества старого места, создавая небольшие ирригационные сооружения, которые снабжали водой его поля (гидроагрокультура) и/или крупномасштабные, управляемые правительством фермы (гидравлическая агрокультура). Только после этого стало возможным возникновение деспотических образцов правления и общества.

Появление подобных образцов возможность, но отнюдь не необходимость. Крупные предприятия водного контроля не создавали гидравлического порядка, если они были частью более широкого негидравлического хозяйства. Ирригационные сооружения в долине реки По, в Венеции и Нидерландах изменили условия в этих регионах, но ни в Северной Италии, ни в Голландии не появилось гидравлической системы управления и собственности. Даже мормоны, создавшие процветавшее гидравлическое сельское хозяйство в центре аридных районов Северной Америки, не смогли полностью уберечься от политического и культурного влияния широкой индустриализации окружающей их среды. История более поздних дней показала организационный потенциал крупномасштабной ирригации и ограничения, которые накладывало на развитие гидравлических институтов доминирующее западное общество.

Таким образом, слишком малые и слишком большие запасы воды не обязательно приводят к правительственному контролю за ее использованием; да и сам этот контроль не обязательно должен включать деспотические методы управления. Только выше уровня добывающей экономики, за пределами влияния мощных центров дождевого сельского хозяйства и ниже уровня индустриальной цивилизации, основанной на частной собственности, человек, реагирующий особым образом на ландшафт, созданный недостатком воды, создает специфический гидравлический порядок жизни.

Природное окружение

При одинаковых исторических условиях основной причиной решающих различий в человеческих институтах, скорее всего, становится различие в природных условиях

Многие факторы порождали различия в сельском хозяйстве народов в доиндустриальную эпоху, но самым главным было различие в засушливых районах, в которых, помимо атмосферных осадков, имелись и другие доступные источники воды. При этом условия сельское хозяйство, существовавшее в доиндустриальную эпоху, имело решающее значение для людей, ибо оно снабжало их продуктами питания и организовывало человеческие отношения. Если человек хотел обрабатывать сухие, но потенциально плодородные земли, с постоянной отдачей для себя, то ему необходимо было подвести к ним воду. Из всех задач, которые ставила перед людьми природа, задача обеспечения сухих земель водой сильнее всех других стимулировала создание гидравлических методов социального контроля.

Природные условия, необходимые для сельского хозяйства

Вода – не единственное условие для успешного земледелия. Для организации сельскохозяйственного производства человек должен иметь участок с плодородной почвой, семена различных растений, необходимое количество воды и подходящие температурные условия (достаточное количество тепла и продолжительный вегетативный сезон). Кроме того, участок земли должен располагаться там, где рельеф позволяет вести ее обработку (то есть на равнине или в предгорьях).

Все эти факторы совершенно равнозначны; отсутствие хотя бы одного из них уничтожает агрономическую ценность всех остальных. Человек не сможет использовать землю до тех пор, пока этот недостаток не будет устранен.

Ряд необходимых факторов делают компенсирующие акции невозможными; другие способы

Эффективность компенсирующих действий зависит от одного условия – легко ли можно устранить недостачу одного из природных условий. Некоторые из них можно считать неустраняемыми, ибо при данных технологических условиях они человеку не подвластны. Другие же поддаются человеческим усилиям – ими можно управлять, а в случае необходимости даже изменять.

Главными постоянными элементами сельскохозяйственного ландшафта являются температура и рельеф. Они были ведущими в древние времена и остались такими и по сей день. Попытки изменить влияние температуры в доиндустриальную эпоху не привели, по очевидным причинам, к успеху. Даже появление систем центрального отопления и кондиционирования воздуха не привело к нужным переменам. Человеку не удалось изменить и космические условия, которые в конечном счете и определяют температурные условия на Земле.

Рельеф также почти не подвластен человеку. Лишь небольшие изменения поддаются его усилиям – выравнивание полей или террасирование склонов. Чаще всего это связано с обводнением полей. Но до появления мощной современной техники и сильных взрывчатых средств рельеф Земли оставался практически неизменным. Даже там, где поля обрабатывают механиз-

мами, сельское хозяйство, как и раньше, процветает на равнинах, высоких плато или на пологих склонах холмов, а не в районах, где высятся горные хребты.

Зато растения и почвы легко поддаются человеческим действиям, и фермеры профессионально ими манипулируют. Они могут пересадить полезные растения туда, где их нет. Впрочем, такие действия совершают лишь время от времени; когда цель достигнута, их прекращают. В определенных сельскохозяйственных районах селекционные операции повторяются снова и снова; но растения покрывают землю неравномерно, и, хотя при определенных условиях фермеры могут трудиться в команде, природа отдельных растений или их сочетаний такова, что успешное культивирование не требует крупномасштабной кооперации работников. До появления механизмов сельское хозяйство развивалось очень эффективно даже тогда, когда за урожаем ухаживал всего лишь один человек или небольшая группа людей.

Второй переменный фактор, а именно почва, тоже подчинялся вышеизложенному правилу, и лишь относительно тяжелый вес приборов для распыления удобрений накладывал определенные ограничения. Семена и сами растения часто перебрасывали в те места, где ощущался их недостаток, зато почву перемещали крайне редко. Нет сомнений в том, что поля с малоплодородными почвами улучшались, благодаря доставке хорошего грунта из других мест, но такие действия мало изменяли характер почв в основных сельскохозяйственных районах Земли. Усилия людей были в основном направлены на повышение плодородия полей с помощью вспашки плугом, разрыхления ее мотыгой или вскапывания лопатой, а также внесения удобрений, которые улучшали ее химический состав.

Таким образом, почва поддается манипуляциям, но такого типа, который требует определенного количества рабочих, которое не превышает число необходимых для культивации растений. И даже в условиях примитивного хозяйства, когда расчисткой земли и сбором урожая занималось большое число людей, вспашка полей требовала лишь одного или нескольких работников.

Особые свойства воды

По сравнению с этими условиями вода обладает специфическими особенностями. Температура и рельеф поверхности, из-за их соответствующих космических и геологических изменений, практически сводили на нет или сильно ограничивали человеческие действия в доиндустриальную эпоху и после нее. По сравнению с этими факторами водные массы никогда не были слишком далекими или слишком крупными, чтобы ими нельзя было манипулировать. В этом отношении вода схожа с двумя другими переменными: растительностью и почвой. Но она отличается от них способностью к движению и способами, которые позволяют этим движением управлять.

Вода тяжелее многих растений. Тем не менее управлять ею гораздо удобнее. Подчиняясь закону гравитации и обладая способностью просачиваться в почву, вода автоматически течет к самому низкому месту в данном районе. Во всех сельскохозяйственных ландшафтах вода является природной переменной *par excellence*.

И это еще не все. Стекая автоматически, вода скапливается неравномерно: либо под землей в виде грунтовых вод, либо на поверхности в отдельных углублениях (впадинах, прудах, озерах) или же движется вдоль своего русла (в ручьях, реках). В районах достаточного увлажнения эти объекты имеют подчиненное значение, но там, где имеется дефицит влаги, они приобретают огромную важность. Человек, имеющий дело с водой, оперирует с веществом, которое не только подвижнее других агрономических переменных, но и массивнее их.

Последняя особенность создает для человека особые трудности, когда он пытается подчинить себе огромные массы воды. И он может делать это только там, где позволяют природные и технологические условия. Ни одна операция с почвами или растениями не заставляет

его работать в кооперации с большим числом людей. Но величина водных ресурсов, за исключением ручьев и небольших речушек, ставит перед человеком техническую задачу, которую он сможет решить только в том случае, если будет сотрудничать с огромным числом людей.

Существует ли необходимость использования гидравлического потенциала?

Открытая историческая ситуация и известные способы ее решения

Стимулирующее противоречие, заключающееся в ландшафте, который имеет огромный гидравлический потенциал, очень хорошо заметно. Такой ландшафт получает недостаточное количество осадков или вообще их лишен, но имеет другие доступные ресурсы влаги. Если человек решает, что их надо использовать, он может превратить сухие земли в плодородные поля и сады. Может, но захочет ли? Что заставляет его заняться делом, которое потребует огромных усилий и связано с высокопроблематичными последствиями?

История показывает нам, что такое решение принимали многочисленные группы людей. Но в то же время множество других от него отказывались. В течение нескольких тысячелетий племена собирателей, охотников, рыболовов и пастухов жили в регионах, обладавших огромным гидравлическим потенциалом, часто в соседстве с людьми, занимавшимися ирригацией, но лишь немногие отказались от своего привычного образа жизни ради гидроагрокультуры.

Впрочем, следует отметить, что у людей не было крайней необходимости использовать новые возможности, которые предоставляла им природа. Ситуация была открытой, и создание водных сооружений представляло собой одну из нескольких возможностей. Тем не менее люди выбирали этот курс так часто и в таком большом количестве мест, что мы можем сделать вывод, что эта процедура была регулярной.

Человек всегда выбирает то, что сулит ему какие-либо выгоды. В тех случаях, когда внутренние или внешние причины предлагают ему изменить технологию, материальное производство или социальные отношения, он сравнивает преимущества существующего положения дел с преимуществами – или недостатками – того положения, которое возникнет в результате перемен. Для достижения поставленной цели необходимо будет приложить огромные усилия, которые заставят его отказаться от приятных действий в пользу неприятных, а также осуществить социальную и культурную адаптацию, которая может привести к потере личной или политической независимости.

Если сумма преимуществ решительно перевесит все будущие жертвы, человек станет стремиться к переменам и начнет действовать; если же преимущества покажутся ему проблематичными, то он предпочтет, чтобы все осталось таким, как было. И здесь, как и везде, бюджет представляет собой сочетание материальных и нематериальных вещей; попытка сформулировать их исключительно в терминах большего или меньшего количества сооружений или товаров окажется несостоятельной. Материальные соображения, разумеется, играют очень большую роль, но истина может быть установлена только в том случае, если полностью оценены такие факторы, как личная безопасность, отсутствие насилия и проверенные временем образцы мышления и действий.

Историки культуры придают большое значение такому факту: в течение недавней эпохи геоэкологии отдельные группы людей занялись сельским хозяйством, позволяющим добыть пропитание; оно могло быть их основным занятием, а могло стать лишь вспомогательным. Тех, кто выбрал сельское хозяйство в качестве главного, было больше. Нет сомнений, что этот выбор повлиял на судьбу человечества самым решительным образом. Тем не менее любая ссылка на закон признанного преимущества должна учитывать, что многие племена первобытных людей не занялись растениеводством ни в древние времена, ни даже после появления мощных стратифицированных аграрных цивилизаций.

Аграрная альтернатива не стала особенно привлекательной для групп людей, не желавших заниматься сельским хозяйством в те времена, когда оно было примитивным, а лидерство – не всеобъемлющим. Однако после расслаивания сельскохозяйственных сообществ выбор стал более осознанным. Власть, которой обладали в соседних аграрных странах правительства и богатые землевладельцы, стала отпугивать людей, ибо переход к земледелию мог привести к тому, что они вынуждены будут подчиниться жестоким методам политического контроля и контроля за собственностью. Очень часто новые поля неподалеку от лагеря своих бывших соплеменников обрабатывали жены и дети соседнего племени, которые были захвачены в плен, а доминирующие члены племени, то есть взрослые мужчины, упорно не желали отказываться от охоты, рыбной ловли или пастушества. Многие примитивные люди, страдавшие от голодных лет или даже долгих периодов недоедания, не желая превращаться в земледельцев, демонстрировали огромную привлекательность нематериальных ценностей, когда материальная безопасность могла быть достигнута только ценой политического, экономического и культурного подчинения.

Признанное преимущество ирригационного сельского хозяйства

Переход к орошаемому земледелию породил еще более сложную проблему выбора. Главный выбор – начинать или не начинать гидроагрокультуру там, где ее до этого не было, обычно делала группа людей, которая была знакома с технологиями примитивного орошения полей.

Второстепенный выбор – надо ли подражать уже созданной ирригационной экономике или нет, вставал не только перед людьми, выбравшими орошение, но и перед теми, кто этого выбора еще не сделал. Кочевнику приходилось труднее всех – он был не готов к этому с технической и культурной точек зрения. В обоих случаях выбор становился еще более сложным, когда обращение к материально более привлекательной ирригационной экономике приводило к снижению и без того очень низкого социального и политического статуса людей.

Именно по этой причине многие сообщества, занимавшиеся дождевым земледелием в Юго-Западном Китае, Индии и Мезоамерике, а также большое число охотничьих, рыболовных и пастушеских племен, живших на границе с миром, занимавшимся орошаемым земледелием, отказались от этого выбора. Их ждала разная судьба, но, какой бы она ни была, история предложила им этот выбор, и люди его сделали, но не как пассивный инструмент судьбы, а как разумные существа, активно участвовавшие в формировании своего собственного будущего.

Если... то...

Ирригационное сельское хозяйство всегда требует от людей более крупных физических усилий, чем дождевое, но оно приводит к радикальным социальным и политическим переменам только при наличии особых геоисторических условий.

Строго локальные задачи копки, сооружения дамб и распределения воды может выполнить любой крестьянин в одиночку, одна семья или небольшая группа односельчан. В этом случае крупных организационных шагов не требуется. Гидроагрокультура, то есть фермерское хозяйство, основанное на мелкомасштабной ирригации, увеличивает количество продуктов, но оно не требует той организации и социального контроля, которые были характерны для гидравлического сельского хозяйства и восточного деспотизма.

Подобная организация появляется лишь тогда, когда экспериментирующие сообщества фермеров обнаруживают крупные резервуары воды в засушливых, но потенциально плодородных районах. Если ирригационное сельское хозяйство зависело от эффективного управления большими объемами воды, то решающим фактором становилась главная особенность воды – ее тенденция скапливаться в больших водоемах.

Большие объемы воды можно распределить и держать в нужных границах только с помощью массового труда; а труд больших масс людей должен быть скоординирован, подчинен строгой дисциплине и возглавлен. Так, крестьяне, желавшие превратить аридные низменности и равнины в плодородные земли, вынуждены были вырабатывать организационные структуры, которые – в условиях, когда еще не существовало машин, – давали лишь один шанс на успех: надо было работать совместно со своими товарищами и подчиняться управляющему органу.

И снова история следовала не линейным путем, а тем, который был продиктован необходимостью. Имелись альтернативы, и те люди, которые их видели, могли сделать свой выбор. Но каким бы этот выбор ни был, он существовал лишь в рамках, которые устанавливало ограниченное число возможностей.

Таким образом, переход к гидравлическому сельскому хозяйству или отказ от него проходил вовсе не беспорядочно, ибо он подчинялся заданному направлению. Различные решения демонстрировали регулирование условий и мотивации. Однако относительное равенство выборов вовсе не означало равенства в конечном результате. Подавляющее большинство охотников, рыболовов и крестьян, которые сохранили привычный образ жизни, превратились в бедняков, а некоторые из них вообще прекратили свое существование. Но некоторые группы, занимавшиеся смешанной экономикой с небольшой долей гидроагрокультуры, оказались достаточно сильными, чтобы навязать свою волю соседним гидравлическим цивилизациям.

Кочевники появились как самостоятельные народы сравнительно поздно и в особых географических условиях. Они часто выступали против всех видов сельского хозяйства и в ряде случаев совершали набеги и завоевывали народы, коренным образом изменяя политическую и социальную структуру подчиненных им аграрных цивилизаций.

Представители дождевого сельского хозяйства творили историю в отдельных районах Запада, природные условия которых подходили для этого типа экономики. Но все гидравлические агрокультуры сумели перерасти и победить большинство соседних народов только в тех случаях, когда местные условия и международные события были благоприятны для агроуправляемой экономики и государственных методов управления.

Пионеры гидравлического сельского хозяйства, как и пионеры дождевого земледелия, не знали, к чему, в конечном счете, приведет их выбор. Стремясь достичь преимущества, они начали создавать у себя институты власти, которые увели их далеко от начального пункта. Их наследники и последователи создали колоссальные политические и социальные структуры; но это было сделано за счет ущемления многих свобод, которые консервативные люди пытались сохранить и частично сохранили.

Аридные¹, семиаридные и гумидные² области: гипотетические образцы взаимодействия и развития

В поисках преимуществ крестьяне, жившие в районах с достаточным увлажнением, стали экспериментировать с гидроагрокультурой не только в пустынных областях и в степях, но и там, где влаги было достаточно и где можно было выращивать растения, требующие орошения, и в первую очередь рис.

Первые два типа ландшафтов, взятые вместе, покрывают почти три пятых земной поверхности. В пределах этой области каждый из трех типов потенциальных гидравлических ландшафтов мог играть особую роль, особенно в период формирования гидравлической экономики. В главном секторе, который включает в себя все три типа, в семиаридных (полупустынных) регионах условия очень хорошо подходят для небольших, постепенно разрастающихся предприятий водного контроля. Аридные регионы представляют собой прекрасную

¹ Аридные – засушливые области.

² Гумидные – области с обилием влаги.

опытную площадку для испытания новых технологий. Семиаридные регионы и регионы с достаточным количеством влаги еще больше выигрывают от технического и организационного опыта, приобретенного в успешной борьбе человека с пустыней.

Таким путем, вероятно, и распространялось гидравлическое сельское хозяйство в столь удаленных друг от друга регионах, как Древняя Месопотамия, Индия и западная часть Южной Америки. В пустынных ландшафтах, вероятно, развитие шло другим путем, а там, где большую часть занимают полупустыни, был избран третий путь.

Во всех этих случаях наличие или отсутствие рядом гумидных районов усложняло развитие. В Египте у собирателей, охотников и рыболовов сельское хозяйство, по-видимому, играло второстепенную роль. Люди, жившие по берегам Нила, которые ежегодно во время разливов реки затопляла вода, освоили сельское хозяйство еще задолго до того, как оно приобрело в стране ведущую роль. В Центральной Америке и в Китае нельзя исключать вторжения захватчиков из Южной Америки и из Внутренней и Южной Азии соответственно. Но эти внешние вторжения были не нужны; если они происходили на самом деле, они были эффективны только потому, что крестьяне, жившие в районах с обилием дождей, помогли соседям признать преимущества новой технологии.

В Древнем Китае полуаридный Север и Юг, где выращивали рис, создали весьма эффективные способы сотрудничества. Под влиянием рисовой культуры Юго-Восточной Азии в районе реки Янцзы появились древние государства; но именно полуаридный (полупустынный) Север долгое время служил доминантным центром власти и культурного развития во всей Восточной Азии. В Индии пустынные, полупустынные и влажные регионы Севера опередили в своем развитии чрезмерно влажные районы Бенгалии.

Все эти идеи о причинах неравномерного развития относятся к разряду гипотез. Однако вопрос, соответствуют ли они истине или нет, никак не влияет на наш анализ общественной структуры. Тем не менее о них следовало упомянуть, ибо наши современные археологические данные и исторические знания сообщили нам о высокодинамичном взаимодействии различных типов ландшафтов, которые, комбинируясь, сформировали крупные области гидравлической цивилизации.

Глава 2

Гидравлическая экономика – управленческая и по-настоящему политическая экономия

Гидравлическая экономика имеет множество характеристик, но главными из них являются три. Гидравлическое сельское хозяйство включает в себя специфический тип разделения труда. Оно улучшает обработку земли и повышает урожайность. И оно делает необходимым крупномасштабное сотрудничество людей. Третью характеристику описали несколько исследователей восточного сельского хозяйства. Второе часто упоминали, но очень редко анализировали. Первому же не уделяли практически никакого внимания. И это особенно обидно потому, что гидравлические методы организации труда и их действие самым решительным образом повлияли на управляющую функцию гидравлического государства.

Экономисты в целом считают разделение труда и кооперацию ключевым условием современного производства. Но в сельском хозяйстве эти условия практически не встречаются. Впрочем, утверждения экономистов отражают особенности западного сельского хозяйства в условиях обилия дождей и природных источников пресной воды. Для этого типа это в целом справедливо.

Между тем экономисты, как правило, не считают нужным указывать на эту особенность. Говоря о сельском хозяйстве без указаний на регион мира и конкретную область государства, в котором оно развивается, и на то, какие требования там существуют, они добиваются того, что у тех, кто читает их труды, создается впечатление, что это заявление справедливо для всех стран мира и применимо как к гидравлическому, так и к другим типам сельского хозяйства. Сравнительное изучение фактов быстро доказывает несостоятельность этих выводов.

Разделение труда в гидравлическом сельском хозяйстве

Подготовительные и защитные мероприятия, не связанные с обработкой земли

То, что справедливо для современной экономики, а именно зависимость производства от различных подготовительных и защитных операций, было с самого начала справедливо и для гидравлического сельского хозяйства. Подготовительные и защитные гидравлические операции представляют собой тот аспект гидравлической агрокультуры, без которой она становится невозможной.

Крупномасштабные подготовительные операции (цель: ирригация)

Сложные сельскохозяйственные действия ирригационного фермера сравнимы с комбинированными операциями обычного крестьянина. Но действия первого включают в себя такие формы труда (копание рвов и канав, сооружение плотин и заполнение водой), которые в операциях последнего не встречаются. Об объеме работ можно судить по следующему примеру: житель китайской деревни 20–50 % своего рабочего времени посвящает ирригации, а во многих индийских деревнях обводнение посевов является самой трудоемкой работой.

Гидроагрокультура (ирригационное сельское хозяйство мелкого масштаба) требует исключительно высокой степени культивации на обводненных полях, и очень часто – на сухих. Такой способ обработки земли применяется только в тех случаях, когда крестьянам приходится оперировать большими объемами воды. Везде, где в доиндустриальные времена человек вынужден был собирать воду, хранить ее и направлять в нужное место, мы находим четкое разделение между подготовительными и завершающими работами. И это характерно для всей гидравлической агрокультуры.

Крупномасштабные защитные операции (цель: предотвращение наводнений)

Помимо орошения земель, человеку приходится бороться и с наводнениями. Потенциально самые благоприятные районы для земледелия располагаются в засушливых регионах, а земли, лучше всего подходящие для выращивания риса, часто находятся в низинах, что позволяет проводить воду для их орошения из соседних рек. Истоки этих рек обычно находятся в далеких горах, и летом, когда часть снега, накопившегося там, тает, уровень воды в них резко повышается.

Все это вызывает ежегодные наводнения в Египте, Месопотамии, Туркестане, Индии, Китае, а также в Андах и Мексике. В полупустынных зонах обильные осадки создают дополнительную угрозу наводнения. Такие условия существуют в Северном Китае, современной Месопотамии (Ассирии) и в районе Мексиканских озер. Поэтому гидравлическое сообщество, которое проводит специальные работы для обеспечения своих земель водой, должно также создавать защитные сооружения, чтобы уберечь посевы от периодического чрезмерного увлажнения.

Когда в доисторические времена китайцы начали обрабатывать землю на великих равнинах Северного Китая, они быстро поняли, что самые плодородные районы являются и областями наибольшей опасности. Как писал Джон Лоссинг Бак, «с точки зрения геологии человек заселил эти равнины за тысячи лет до того, как они были готовы для освоения... Китайцы построили вдоль рек огромные валы, которые, хотя и не смогли полностью устранить риск затопления, были сходны по своим масштабам или даже превосходили по своему размаху подготовительные работы в этом регионе».

В Индии огромные проблемы создают реки Инд, Ганг и Брахмапутра, благодаря которым в Бенгалии возникли оптимальные условия для выращивания риса и максимальная опасность

наводнений. К 1900 году в Бенгалии было сооружено девяносто семь миль крупных ирригационных каналов и 1298 миль обваловки.

В Древней Месопотамии даже самые предприимчивые правители не смогли помешать наводнениям наносить огромный ущерб плотно заселенным равнинам. В Туркестане мощные разливы рек периодически случались в долине реки Зеравшан. В Верхнем Египте вода в Ниле поднималась на 1 метр над уровнем равнины, по которой он протекал, в Среднем Египте – на два метра, а в дельте – до трех с половиной метров!

Жители озерного края Мексики могли использовать плодородные земли этого края, только смирившись с тем, что его короткие, узкие реки периодически выходят из берегов. Мексиканцам приходилось создавать защитные сооружения, чтобы уберечь свои поля от затопления. Таким образом, практически во всех основных гидравлических цивилизациях подготовительные работы в ирригации сопровождались и дополнялись строительством сооружений, помогавших предотвратить наводнения.

Сотрудничество

В связи с этим изучение гидравлических структур, существовавших в Китае (особенно в северной его части), Индии, Туркестане, Месопотамии (особенно в Ассирии), Египте и Центральной Америке (в озерном районе Мексики), должно рассматривать обе формы гидравлических операций. Только так мы сможем оценить их реальные размеры, характер и главную организационную особенность – объединение усилий многих людей.

Размер сотрудничества

Если гидравлическое общество располагается в одном месте, одну или несколько коммунальных работ могут выполнить все взрослые мужчины, живущие в этой местности. Различные потребности и обстоятельства изменяют количество мобилизованных для этого людей. В гидравлических государствах, имеющих несколько независимых источников воды, ее распределением занимались несколько команд, работавших независимо друг от друга.

У жителей Хил-Сака в Восточной Африке существовало правило: «На строительстве каналов обязаны трудиться все мужчины». У индейцев племени чагга поддержанием в рабочем состоянии сложной ирригационной системы занимался весь народ. В Бали крестьяне обязаны были работать в региональном гидравлическом отряде *су бака*, к которому они относились. Хозяева шумерской храмовой экономики требовали, чтобы все взрослые мужчины, находившиеся под их властью, «принимали участие в создании и очистке каналов». Большинство египетских документов эпохи фараонов сообщают нам, что участие населения в подобных работах считалось само собой разумеющимся. Лишь изредка в тексте уточняется характер работ, в которых должны были быть заняты люди. Среди них самыми трудоемкими были копка и подъем тяжестей.

В императорском Китае в гидравлических и других общественных работах обязана была участвовать вся семья простолюдина. Политические и юридические документы Индии свидетельствуют о том, что в этой стране существовало аналогичное правило. Законы Перу в эпоху инков требовали, чтобы на общественные работы являлись все трудоспособные мужчины. В древней Мексике взрослые простолюдины и представители верхних классов обучались умению копать рвы и строить дамбы. Время от времени хозяева этой гидравлической страны собирали мужчин из нескольких штатов для претворения в жизнь своих гигантских гидравлических проектов.

В XIX веке «все трудоспособное население Египта» в четыре огромных смены работало над сооружением каналов, которым руководил Мехмед Али. Каждая смена трудилась в течение сорока пяти дней, пока все работы не были завершены. На это уходило 180 дней. С 1881 года,

во времена упадка и развала, «вся эта работа свалилась на плечи беднейших классов». Лишь небольшое число получило компенсацию, когда рабочее время было продлено еще на 90 дней. А в некоторых районах мобилизованным рабочим пришлось трудиться 180 дней.

Интеграция

Для успешной кооперации требуется плановая интеграция. Она особенно необходима, когда цель работ очень сложна, а команды рабочих многолюдны.

Гидравлические работы обычно отличаются повышенной сложностью. Большинство авторов, рассказывающих о гидравлическом сельском хозяйстве, упоминают о копке, дноуглубительных работах и сооружении дамб. Организация таких работ требует огромных усилий. Но люди, планирующие крупные гидравлические сооружения, сталкиваются с гораздо более сложными проблемами. Сколько потребуется рабочих и где их найти? На основе предыдущих расчетов плановики должны определить квоты и критерии отбора. За отбором следует объявление, а за ним – мобилизация рабочего персонала. Группы рабочих часто передвигаются в колоннах, похожих на воинские. Когда они добираются до места, всю массу рядовых следует распределить по видам работ в нужном количестве. На строительстве выполняются следующие виды работ: копка, вынос земли и т. д. Если потребуются материалы: солома, вязанки прутьев (фашины), пиломатериалы или камни, следует организовать их добычу и подвоз. Если рабочие команды – все без исключения или только отдельные – должны получать питание и воду для питья, то необходимо позаботиться о доставке продуктов и их распределении. Даже в самой простой форме агрогидравлические работы требуют огромного дополнительного труда. Для особо сложных проектов требуется обширное и сложное организационное планирование.

Руководство

Всякая команда нуждается в умелых руководителях, а работа в большой интегрированной команде требует распорядителей и надсмотрщиков, а также организаторов работ и специалистов по их планированию. Крупные предприятия гидравлического сельского хозяйства нуждаются и в тех и в других. Десятник обычно не выполняет никакой ручной работы, и, за исключением нескольких специалистов-инженеров, основными организаторами служат чиновники, отвечающие за рабочую силу.

Конечно, без физического элемента – угроз наказания и самого наказания – обойтись было нельзя, но в этом деле, как и в других, главным являлся опыт и умение предвидеть. Ведущую роль в организации и выполнении работ играла продуманность, находчивость и умение объединять людей для выполнения поставленных задач.

Гидравлическое лидерство – политическое лидерство

Эффективное управление крупномасштабными работами включало в себя создание организационной сети, которая покрывала либо все население страны, либо самое динамичное его ядро. Поэтому те люди, которые контролировали эти работы, способны были осуществлять и высшую власть в стране.

С точки зрения исторического эффекта не имеет никакого значения, кем были руководители гидравлического проекта до того, как они его возглавили, – мирными вождями, военными командующими, жрецами, жрецами-вождями или простыми гидравлическими чиновниками. В племени чагга гидравлическое ополчение созывалось на работу той же трубой, которая обычно звала соплеменников на войну. У индейцев племени пуэбло военные вожди (или жрецы) хотя и находились в подчинении у *касика* (верховного вождя), но держали под своим контролем все действия, совершаемые племенем. Древними гидравлическими городами-государствами Месопотамии, по-видимому, управляли цари, которые одновременно были и жре-

цами. В Китае знаменитый новатор правительственного контроля за водными ресурсами, великий Юй, согласно легенде, от звания высшего чиновника поднялся до правителя, сделавшись, если верить древним документам, основателем первой китайской династии Ся.

Не имело никакого значения, каким образом традиционно негидравлические лидеры приходили к власти: создавая или подчиняя себе уже существующий гидравлический «аппарат» управления или же сами лидеры становились той движущей силой, которая позволяла им осуществлять все важные общественные функции. Не может быть никаких сомнений в том, что во всех этих случаях новый режим власти формировался благодаря лидерству и социальному контролю, которого требует гидравлическое сельское хозяйство.

Сложные водные сооружения и тяжелая промышленность

Что касается способов управления, гидравлическое сельское хозяйство имеет много общего с тяжелой промышленностью. Оба этих типа экономической деятельности служат подготовкой к производству конечного продукта. Они снабжают рабочих необходимыми материалами для создания этого продукта и являются всеобъемлющими или «тяжелыми». По этой причине крупные предприятия гидравлического сельского хозяйства можно назвать «тяжелыми водными заводами».

Однако в глаза сразу же бросаются и их отличия. Сложные водные сооружения гидравлического сельского хозяйства и предприятия тяжелой индустрии современной экономики имеют несколько крупных базовых отличий, которые, если их правильно описать, помогут нам лучше разглядеть особенности гидравлического общества.

Крупные водные сооружения снабжают потребителя одним очень важным вспомогательным материалом, а именно водой. Тяжелая же индустрия производит вспомогательные материалы и сырье различных видов, включая инструменты для создания конечного продукта и в самой тяжелой промышленности. Крупные водные сооружения помогают защитить всю страну в целом, в то время как защитные сооружения промышленности (здания) этого не делают. Гидравлические работы часто захватывают обширную территорию страны, а защитные сооружения промышленности (здания и т. д.) этого не делают. Ирригационные работы ведутся на относительно крупных площадях, а с развитием гидравлического порядка распространяются еще дальше. Предприятия тяжелой индустрии занимают гораздо меньше места; предварительная обработка сырья может происходить в небольших, рассредоточенных по территории страны мастерских; но по мере развития промышленности в стране эти мастерские сливаются в несколько крупных и мощных предприятий.

Характер рабочей силы тоже меняется. Крупные ирригационные сооружения нуждаются в огромном числе работников, в то время как заводы тяжелой индустрии требуют, чтобы рабочие жили поблизости к ним. Водные предприятия удовлетворяются работой взрослых мужчин, которые продолжают жить в своих деревнях, в то время как промышленность требует концентрации рабочей силы.

Большинство работников, занятых на строительстве ирригационных сооружений, остаются крестьянами; чаще всего их мобилизуют на относительно короткий период времени – в лучшем случае на несколько дней, в худшем – на такой срок, который не приносит вреда их основному занятию. Таким образом, разделение труда при сооружении плотин или каналов не приводит к разделению самих работников.

Отличие от политики в отношении рабочих в тяжелой промышленности видно невооруженным взглядом. Ирригационные сооружения создаются в течение нескольких месяцев, а предприятия тяжелой индустрии функционируют наиболее эффективно только в том случае, если их работа не прерывается. Владельцы заводов и фабрик стремятся обеспечить работой свой персонал в течение всего года. Так разделение труда в промышленности приводит к более или менее полному разделению рабочих.

Оба сектора экономики и управляются по-разному. В целом предприятиями современной тяжелой индустрии руководят либо их владельцы, либо менеджеры. Зато крупными ирригационными сооружениями руководит в основном правительство страны. Правительство участвует в управлении и других крупных предприятий, которые в разных сочетаниях обеспечивают саму агрогидравлическую экономику.

Астрономические наблюдения и составление календарей – важнейшие функции гидравлического режима

Среди интеллектуальных функций вождей гидравлических режимов были и такие, которые не имели прямой связи с организацией материалов и больших масс людей. Для успеха гидравлических экономик необходимо было отмечать время и составлять календари, а в особых условиях требовалось проведение особых измерений и расчетов. Способы выполнения этих задач оказывали влияние на политическое и культурное развитие гидравлических сообществ.

При всех формах добывающей экономики и во всем аграрном мире для человека всегда была важна смена сезонов. Но в большинстве случаев он отмечает лишь то время, когда весна сменяется летом, когда наступают холода и когда дождь переходит в снег. Однако гидравлическим цивилизациям этого явно недостаточно. В засушливых регионах необходимо было тщательно подготовиться к разливу рек, который, если им правильно управлять, повышал плодородие почвы и помогал получить богатый урожай. Неуправляемые же наводнения уносили человеческие жизни и разрушали постройки и сооружения. Во время сухого сезона необходимо было сооружать дамбы, которые позволяли сдерживать напор воды, и очищать каналы, чтобы влага поступала туда, куда нужно. В семиаридных районах (степях и полупустынях), где осадков мало или они выпадают неравномерно, наличие точного календаря не менее важно. Небольшие объемы дождевой воды будут полностью использованы только в том случае, если валы, каналы и резервуары будут готовы к началу сезона дождей.

Правильное размещение периодически затопляемых полей и определение размеров гидравлических и других структур стимулировало развитие арифметики и геометрии. Геродот объясняет появление геометрии в Египте потребностью в ежегодном измерении площади затопляемых земель.

Не имеет значения, где были сделаны самые первые шаги в этом направлении – в долине Нила или Месопотамии, основная корреляция сохраняет свою суть. Очевидно, что пионеры и мастера гидравлических цивилизаций были хорошо подготовлены для создания двух ведущих и связанных между собой наук: астрономии и математики.

Как правило, операции определения времени, научных измерений и подсчетов выполнялись официальными лицами, жрецами или светскими специалистами, служившими гидравлическому режиму. Окутанные тайнами магии и астрологии и отгороженные от мира покровом строжайшей секретности, эти математические и астрономические вычисления помогали не только увеличить объемы продукции, но и обеспечить гидравлическим лидерам абсолютную власть.

Другие сооружения, возводившиеся в гидравлических обществах

Руководители гидравлических государств не ограничивали свою деятельность лишь вопросами, напрямую связанными с сельским хозяйством. Методы кооперации, столь эффективные в деле выращивания урожая, с успехом применялись и для решения других, не менее важных задач.

Определенные виды работ должны были предварять другие. Ирригационные каналы появились раньше навигационных; копка рвов и создание дамб предшествовали строительству дорог. Но перед началом строительства проводились подготовительные мероприятия, а различия в природных условиях приводили к различным эволюционным последствиям. Так что различия во взаимодействии и росте были весьма велики. Они включали в себя многие конструктивные особенности и за пределами гидравлического сельского хозяйства.

Неаграрные гидравлические работы

Акведуки и резервуары, снабжавшие людей питьевой водой

Сообщества, способные перебрасывать воду в разные места для нужд ирригации, охотно применяли гидравлические технологии и для снабжения населения питьевой водой. Большая часть средневековой Европы в этом не нуждалась, ибо дожди в течение всего года обеспечивали ей достаточные запасы грунтовых вод. Жителям большинства городов той эпохи этого вполне хватало.

Но даже в гидравлическом мире одной питьевой водой обойтись было нельзя. В тех местах, где реки, ручьи или ключи имели достаточно воды, чтобы снабжать ею города в течение года, особых проблем не возникало. Жителям долин Нила, Ганга и многих других аналогичных районов не приходилось строить акведуки для переброски воды.

Там же, где реки или ручьи в жаркое время года сильно мелели, а также существовала относительно легкая доступность горных потоков с чистой водой, создавались крупные сооружения для хранения и распределения питьевой воды. В Америке большие акведуки строились гидравлическими цивилизациями зоны Анд и в Мезоамерике. Многие хранилища для воды, популярные в Южной Индии, часто служили нескольким целям, а неподалеку от крупных государств Ближнего Востока, таких как Сирия и Ассирия, великолепно спроектированные акведуки удовлетворяли потребности в воде многих знаменитых городов, среди которых были Тир, Антиохия и Ниневия.

В Западной Европе, где преобладало дождевое сельское хозяйство, акведуки строили в основном греки и римляне, которые с древнейших времен поддерживали тесные связи с технически более продвинутыми странами Западной Азии и Северной Африки и учились у них. Нет сомнений, что греки и римляне могли решить свои проблемы с питьевой водой и без помощи извне; но их сооружения свидетельствуют о влиянии восточных инженерных идей.

Навигационные каналы

Изо всех великих аграрных держав мира только гидравлические сообщества смогли построить крупные навигационные каналы. Греки, жившие на берегу моря и превратившие Средиземное море в свою главную дорогу, каналов не строили, поскольку понимали, что с этой задачей им не справиться. Немногочисленные каналы Рима, очевидно, были созданы в те времена, когда растущая ориентализация правительственного аппарата стимулировала, помимо всего прочего, интерес римлян ко всем видам общественных работ.

Фермеры средневековой Европы, которым вполне хватало воды, как и другие крестьянские сообщества, старались избегать заболоченных речных долин. А их господа обращали мало внимания на состояние водных путей, поскольку не пользовались ими. Еще меньше их интересовало сооружение дополнительных искусственных рек – каналов. В течение Средних веков было построено лишь несколько второстепенных каналов, а торговля и транспорт той эпохи сильно страдали от ужасного состояния рек, по которым можно было плавать на судах.

Запад начал сооружать многочисленные каналы только после появления коммерческого и индустриального капитализма, развитие которого поддерживали правительства западных стран.

Строительство самого первого канала современной Европы, французского Канала дю Миди, завершилось только во второй половине XVII века, в 1661 году, то есть за сто лет до падения абсолютистского режима в этой стране. А в стране внутренней навигации, Англии, для строительства каналов было сделано очень мало до середины XVIII века. Каналами здесь занялись через много лет после падения абсолютистского режима, то есть практически перед началом машинной эры.

Как уже отмечалось выше, члены гидравлических сообществ по-другому относились к управлению природными и искусственными водными путями. Они поселялись как можно ближе к рекам, осушали заболоченные берега и изменяли их конфигурацию. Естественно, вопрос о плавании по рекам возникал не везде. Существующие протоки могли быть пригодны для ирригации, но не для плавания (районы обитания племен пуэбло и чагга, а также горные районы Перу). В некоторых районах внутреннюю навигацию обеспечивали реки, режимом которых люди научились управлять (Египет, Индия); к таким водоемам относили и озера в Мексике, а в Месопотамии ирригационные каналы были так велики, что по ним можно было плавать на лодках (Месопотамия).

Но в тех местах, где вспомогательные водные пути были не только возможными, но и желательными, организаторы агрогидравлических работ не испытывали особых проблем в использовании своего кооперативного «аппарата» для их прокладки. Новые каналы часто становились лишь дополнением к уже существующим водным путям. Древние египтяне сооружали каналы, чтобы обойти нильские пороги, и они временно соединяли Нил с Красным морем. Впрочем, эти предприятия оказали мало влияния на гидравлическую в целом экономику этой страны.

В других местах навигационные каналы приобрели огромное значение. Они удовлетворяли потребности руководителей гидравлического государства: позволяли доставлять продукты сельского хозяйства в административные центры и перевозить гонцов и войска.

В Таиланде (Сиаме) пересекались различные гидравлические задачи. Помимо разных видов продуктивных и защитных гидравлических сооружений, правительство этой страны приказало создать центры производства риса, а также построить несколько каналов, принадлежавших государству, которые служили «водными дорогами», по которым рис доставляли в столицу.

Соответствующие структуры в Китае особенно хорошо задокументированы. На крупных равнинах Северного Китая навигационные каналы начали строить еще в эпоху удельных княжеств, то есть до 221 года до н. э. В те годы различными региональными правительствами руководили чиновники, которые за свою службу получали участки государственной земли.

Почти полное отсутствие общественных работ в феодальной Европе и огромное количество этих работ – гидравлических и других – в удельных княжествах Китая демонстрирует ту разницу, которая существовала между государственной системой раздачи земель в Китае и рыцарским феодализмом, а также почти полным отсутствием общественных работ в феодальной Европе.

Географическая и административная унификация Китая, которая породила огромную нужду в навигационных каналах, тоже способствовала усилению государственной организационной власти, благодаря которой они и были сооружены. Первые века империи стали свидетелями создания не только огромного числа ирригационных каналов, водохранилищ и защитных речных дамб, но и каналов большой протяженности, которые использовались для передвижения административных и фискальных чиновников.

Когда, после нескольких веков политической раздробленности, правители из династии Суй в конце VI века начали снова объединять Поднебесную, они воздвигли новую политическую структуру, создав из отдельных отрезков единый гигантский имперский канал, называемый в Китае Юньхо, или Великий канал. Его длина в наши дни составляет около 800 миль, что равно расстоянию от американско-канадских Великих озер до Мексиканского залива или – в европейских единицах исчисления – расстоянию от Берлина до Бордо или от Гамбурга до Рима. Для выполнения лишь части этих работ правительство Суй мобилизовало в одних только регионах, расположенных к северу от Желтой реки, «более миллиона мужчин и женщин», иными словами, половину населения Англии с XIV по XVI век.

Гигантское число людей, занимавшихся обваловкой рек и строительством каналов в Китае, отмечал американский ученый Ф.Х. Кинг, который утверждал, что общая длина водных путей Китая, Кореи и Японии, созданных человеком, составляет около 200 тысяч миль. Сорок каналов, пересекающих Соединенные Штаты с востока на запад, и шестьдесят – с севера на юг, имеют меньшую протяженность, чем каналы в этих трех странах в наши дни. Вполне вероятно, что эта оценка не слишком велика для одного Китая.

Крупные негидравлические сооружения

Мощные оборонительные структуры

Как только какой-нибудь народ заводит у себя гидравлическое сельское хозяйство, сразу же возникает необходимость в мощных оборонительных сооружениях. В отличие от фермера, живущего в районах обильного увлажнения, который может без особых проблем перейти на другое поле, фермер в засушливых районах зависит от таких источников плодородия, которые хотя и дают богатый урожай, но переноске в иные места не подлежат.

В начальный период гидравлического культивирования земель аграрные сообщества, зависевшие от фиксированных систем водоснабжения, заставляли людей строить мощные оборонительные сооружения вокруг своих домов и полей.

Для этой цели гидравлическое сельское хозяйство оказалось очень полезным: во-первых, оно научило людей обращаться со всеми видами строительных материалов: землей, камнями, древесиной и прочим, а также показало, как надо организованно ими манипулировать. Строители каналов и дамб легко овладели искусством сооружения башен, палисадов, рвов и длинных оборонительных стен.

Во время этих работ, а также тех, что связаны с ними, характер и размах операций определяли внутренние и внешние обстоятельства. К примеру, индейцы пуэбло, жившие в окружении очень воинственных соседей, использовали для строительства все, что попадалось им под руку, ибо их селения были невелики – в них редко проживало более ста человек. Деревни пуэбло напоминали настоящие крепости; они поразили даже испанских конкистадоров, которые порой были вынуждены осаждать одну такую деревню несколько дней и даже недель, прежде чем овладеть ею. Тесное сотрудничество сельчан обеспечивало безопасность их деревень и успехи в обработке земли. Эту особенность жизни индейцев пуэбло подчеркивал один из наблюдателей: «Все они трудятся совместно, чтобы построить свои деревни».

Кастанеда, который был официальным летописцем первой испанской экспедиции, отмечал, что оборонительные башни крупного селения Цуни были снабжены «амбраурами... для

защиты крыш на разных этажах». Он добавлял: «Сначала надо было забраться на крыши, и эти верхние дома служили для их защиты». Опыт второй экспедиции подтвердил и дополнил эти наблюдения. Галлегос заканчивает свой рассказ о том, как строили свои дома индейцы пуэбло, описанием передвижных деревянных лестниц, «с помощью которых они забираются в свое жилье». Ночью они их поднимают, поскольку воюют друг с другом. Военную ценность лестниц подчеркивал и Обрегон; кроме того, он объяснял, как сами эти сооружения помогали защитить деревни: «Эти дома имеют стены с амбразурами, с помощью которых они [индейцы] защищают себя и атакуют врагов во время сражений».

Один из лейтенантов Каронадо, подойдя к селениям племени тигуа, «обнаружил, что деревни окружены палисадами». Индейцы пуэбло, подвергавшиеся различным «видам притеснений и оскорблений», приготовились к бою. Сделать ничего было нельзя, поскольку они не спускались на равнину; жители деревень были столь сильны, что подчинить их испанцам не удалось. «Атаковав неприятельскую деревню, испанские солдаты забрались на верхний этаж... Они сражались целый день, но выбить индейцев им не удавалось до тех пор, пока мексиканские индейцы, сопровождавшие их, не добрались к пуэбло снизу, сделав подкоп и выкурив обитателей с помощью дыма» (Кастанеда).

Индейцы племени чагга столь же эффективно перенесли свои гидравлические рабочие навыки на военные сооружения. Великий вождь этого народа Хоромбо сгонял несколько тысяч человек на строительство мощных фортификаций, часть которых сохранилась до наших дней. Высота их стен составляет около 180 сантиметров, длина с южной стороны – 277,5 метра, с северной – 443 метра, с восточной – 252 метра, а с западной – 124 метра. Стены дополнялись туннелями, длинными рвами и ямами (*Вилкоккс В.* Египетская ирригация). Эти сооружения появились у чаггов несколько веков назад. Глубокие подвалы, вырытые прямо под хижинами и часто соединенные подземными коридорами с выходами на поверхность на некотором расстоянии от селения, использовались для бегства. Почти все деревни индейцев этого племени имели подобные ходы, которые можно увидеть и в наше время; часто они залегают на большой глубине.

Эти примеры показывают нам, каких высот могли достичь даже примитивные гидравлические общества, когда они использовали свои кооперативные ресурсы на полную катушку. Более развитые гидравлические общества применяли и варьировали основные принципы в соответствии со своими техническими и конституционными обстоятельствами.

В доколумбовой Мексике отсутствие тягловых животных налагало ограничения на транспорт; это затрудняло ведение осад, но не мешало борьбе за города или их обороне. В случае необходимости многие гидравлические сооружения, построенные правительством в главном озерном районе, могли выполнять и военные функции, а гигантские дворцы и храмы превращались в бастионы борьбы против захватчиков. Недавние исследования привлекли внимание к различным типам мексиканских фортов и крепостных стен. Учитывая их величину и огромное значение для защиты страны, их вполне можно отнести к разряду построек, сооружением которых руководило государство. Колоссальные крепости и стены доиспанского Перу, так поражающие древних и современных исследователей, были сооружены, по приказу правительства, «невероятно» крупными массами рабочих, согнанных на их строительство.

Многие тексты и рисунки демонстрируют нам стены, ворота и башни Древнего Египта, Шумера, Вавилонии, Ассирии и Сирии. Книга «Арташастра» отмечает, что правители первой великой Индийской империи систематически решали вопросы фортификаций и обороны. В начале китайской истории новые столицы сооружались по приказу правителей, а в последние века периода Чоу удельные княжества использовали труд согнанных со всей страны рабочих для сооружения стен, окружавших все приграничные регионы, не только для защиты от варварских племен, но и друг от друга. В III веке до н. э. объединитель Китая Цинь Шихуанди объединил и укрепил все оборонительные структуры в единую длиннейшую стену, подобной которой

никто еще не видел, – Великую Китайскую стену. Периодический ремонт этой стены демонстрировал высокую эффективность гидравлической экономики и массового труда, направляемого государством.

Дороги

Ученые считают, что уже в Вавилонский период существовали дороги, построенные государством (*Мейснер Б.* Вавилон и Ассирия). Документы, свидетельствующие об этом, были созданы в Ассирии. Нет никаких сомнений в том, что древние сооружения и дороги Персии, эллинических государств и Рима строились по их образцу. Великая персидская Царская дорога произвела огромное впечатление на тогдашних греков и послужила моделью для их собственных дорог (*Ростовцев М.* Социальная и экономическая история Эллинистического мира). Они, в свою очередь, вдохновили строителей правительственных дорог в Римской империи. Если верить Мецу, арабы унаследовали «тип правительственных дорог», как и их название, от персидской Царской дороги (*Мец.* Возрождение ислама). Впрочем, кроме нее, хороших дорог у них не было, может быть, потому, что они предпочитали передвигаться с помощью верблюжьих караванов. Более поздние мусульманские режимы на Ближнем Востоке использовали шоссе, но никогда не доводили их до того технического совершенства, которое было характерно для до-арабского периода.

В Индии энергичные правители из рода Мауриа тщательно следили за состоянием дорог («Арташастра»). Царская дорога длиной в 10 тысяч стадий, которая шла из столицы к северо-западной границе, имела систему обозначения расстояний, которая в модифицированной форме применялась и монгольскими императорами. В Южной Индии, где Хиндская цивилизация существовала еще несколько веков после того, как северная часть страны была завоевана, дороги, построенные правительством, упоминаются в описаниях, и «некоторые из них зовутся королевским шоссе».

Мусульманские правители Индии продолжили индийскую, а не западноазиатскую традицию создания и содержания дорог за счет государства. Шер-Шах (умер в 1545 году) построил четыре большие дороги, одна из которых соединяла Бенгал с Агрой, Дели и Лахором. Говорят, что Шер-Шах вдохновил Акбара на сооружение новой «королевской дороги», которую назвали «Долгая прогулка». На протяжении четырехсот миль она шла «в тени высоких деревьев, [росших] по обе стороны от нее».

В Китае сразу же после создания империи в 221 году до н. э. была построена гигантская сеть дорог. Но в этом случае, как и в случае с ирригационными и навигационными каналами или оборонительными стенами большой протяженности, имперские инженеры только систематизировали и развили идеи, которыми руководствовались их предшественники. Задолго до III века до н. э. мощное удельное государство должно было иметь сеть дорог, поддерживаемых в хорошем состоянии. За этим следили центральные и местные власти. Дороги были с двух сторон обсажены деревьями, имели станции и дома для отдыха проезжающих. Во времена империи большие государственные дороги соединяли все важнейшие центры северной части Китая, где располагалась его столица. Согласно официальной «истории династии Хань», первый император «построил императорскую дорогу, [пересекавшую] всю страну. Стали доступны берега Цзяна [реки Янцзы], озер и литорали вдоль морского побережья. Дорога имела ширину в пять шагов. Полоса шириной три *чанга* [примерно 6,5 метра] была обсажена с двух сторон деревьями. Две полосы были построены с большой прочностью, для их укрепления использовались металлические полосы. Вдоль дорог росли сосны. [Император] сделал свою дорогу такой элегантно, что более поздние поколения не смогли найти ни единой кривой дорожки, на которую можно было бы поставить ногу» (Ханьшу).

В годы правления последующих династий строительство и содержание крупных магистральных дорог и их многочисленных ответвлений оставалось привычной задачей центрального и местных правительств Китая.

Пересеченная местность Центральной Америки и отсутствие полностью скоординированных империй, казалось бы, должно было препятствовать сооружению дорог в доколумбовый период, по крайней мере на высоких плато. Тем не менее Анды стали сценой грандиозного дорожного строительства. Испанские завоеватели подробно описывали прекрасные дороги, которые пересекали прибрежные равнины и горные районы, а также соединяющие их перемычки. Описывая дороги в Андах, Эрнандо Писсаро отмечал, что никогда не видел ничего подобного в аналогичной местности «в пределах всего христианского мира». Единственная параллель, которая пришла ему на ум, была система дорог, сооруженных римлянами. И это сходство говорит о многом. Как мы скажем ниже, многочисленные римские дороги были плодом судьбоносной трансформации, которая превратила Римскую империю в эллинистическое (восточное) деспотическое государство.

Затраты сил, необходимые для создания всех этих великих дорог, привлекали меньше внимания, чем сами дороги. Но те свидетельства, которые дошли до наших дней, говорят о том, что, подобно многим другим крупным правительственным предприятиям, эти задачи были решены благодаря совместным усилиям тысяч рабочих, отправленных государством на их сооружение. В империи инков правительственные чиновники отмечали участки и сообщали местным жителям, что они должны построить здесь дорогу. И это строительство обходилось для правительства очень дешево. Присланные из разных мест строители «приходили со своими инструментами и провизией».

Дороги императорского Китая требовали гигантского количества рабочих и огромных затрат на их строительство и содержание. Надпись в Хане отмечает, что на сооружении определенной дороги в 63–66 годах н. э. работало 766 800 человек. И из этого числа только 2690 были заключенные (Цзинь Ши).

Дворцы, столичные города и гробницы

Правительственный аппарат, способный выполнить все эти гидравлические и негидравлические проекты, можно было использовать и для сооружения дворцов и площадок для развлечения правителя страны и его двора, а также правительственных зданий, монументов и гробниц для прославленных мертвецов. Его можно было использовать в тех случаях, когда эгалитарные условия примитивного племени уступили место племенным и переставшим быть племенными формам единовластия.

Поля, принадлежавшие верховному вождю индейцев из племени пуэбло, обрабатывали люди, жившие в его деревне. Но его жилище, очевидно, не особо отличалось от домов его соплеменников, разве что имело больше удобств и располагалось в безопасном месте. Зато вожди племени чагта владели самыми настоящими дворцами, воздвигнутыми специально для них, а число рабочих, согнанных на их строительство, было весьма велико (*Вайдемен. Древний Египет*).

Колоссальные дворцы правителей древнего Перу возводились трудом огромного числа рабочих. В доколумбовой Мексике король Тезкуко, второй по величине страны Ацтекской федерации, по слухам, привлекал на сооружение своего огромного дворца и парка более двухсот тысяч рабочих в день.

Неограниченная власть над трудовыми ресурсами страны позволила правителям Шумера, Вавилона и Египта создать великолепные дворцы, парки и гробницы. Та же самая практика господствовала и во многих мелких государствах, в которых, по приказу правительства, возводились сооружения, подобные тем, что строились в Египте и Месопотамии. Согласно Библии, царь Соломон построил свой прекрасный храм с помощью рабочих групп,

которые, как и в Вавилонии, обязаны были работать на него четыре месяца в году (*Мендельсон И. Рабство на Древнем Ближнем Востоке*).

Великие сооружения Индии эпохи Моголов описаны очень подробно. Менее известны, но столь же интересны сооружения более ранних периодов. Третий правитель Туглага Фируз-шах (около 1308–1388) велел прорыть несколько очень важных ирригационных каналов, среди которых был и знаменитый канал Старый Джумпа. Он строил крепости, дворцы, дворцовые города, мечети и гробницы. Дворец-форт Котла-Фируз-шах, воздвигнутый в новой столице Фирузабад (Дели), сохранил для нас грандиозный стиль доисламской индийской и восточной архитектуры. (*Маршалл М. Памятники мусульманской Индии*).

Китайский вариант общего агроуправляемого тренда проявился во многих творениях. Первый император Китая Цинь Шихуанди в самом начале своего правления начал строительство крупных гидравлических сооружений; за годы своей власти он выполнил колоссальный объем негидравлических общественных работ participatory типа. Уничтожив всех соперников в своем княжестве, он создал уже упоминавшуюся сеть дорог, которая позволила его чиновникам, гонцам и войскам легко добираться до всех регионов обширной империи. Позже он сумел защитить свою страну от кочевых орд, пришедших с севера, создав Великую стену. В первые годы своего правления он строил лишь небольшие дворцы для личного проживания и только в 213 году до н. э. приступил к сооружению огромного дворца. На строительстве этого монстра, вместе с огромной гробницей, трудилась, как утверждают источники, рабочая армия, которая насчитывала более 700 тысяч человек.

Через восемь сотен лет второй монарх объединенного Китая Ян-ди (604–617) из династии Суй мобилизовал еще большее число людей для осуществления похожих гигантских предприятий. В дополнение к более чем миллионной армии мужчин и женщин, занятой на сооружении Большого канала, он отправил гигантские команды на строительство дорог и новых участков Великой стены. Если верить «Истории династии Суй», Великую стену сооружало более миллиона человек. Согласно тому же официальному источнику, строительство новой столицы на востоке страны и нового императорского дворца гигантских размеров потребовало отправлять на место стройки не менее двух миллионов человек ежемесячно.

Храмы

Положение, судьба и престиж светских правителей гидравлического общества были тесно связаны с их небесными покровителями. Все политические лидеры без исключения стремились утвердить и подкрепить свою законность и величие утверждением о том, что им помогают небесные покровители. И все светские монархи и короли-священники прилагали огромные усилия, чтобы обеспечить своих подданных соответствующими сооружениями для богослужений, а церковнослужителей – местом для проживания.

Рабочие команды, строившие по приказу правителей гигантские дворцы, сооружали и огромные храмы. В древних надписях упоминаются многочисленные храмы, построенные по приказу месопотамских царей (*Бартон Дж. Царские надписи Шумера и Аккада*). Эти правители говорили о них так, как будто их сооружение стало результатом их собственных усилий, и лишь случайные замечания дают понять, что на строительстве присутствовал «народ», который трудился в соответствии с намеченным планом. Аналогичным образом большое число текстов эпохи фараонов рассказывает нам об огромных достижениях и величии правящего суверена, и лишь незначительное количество – о рабочих или «народе», трудившемся под руководством правителей.

Религиозные сооружения агроуправляемых народов доколумбовой Америки были особенно впечатляющими. В легендах местных жителей и испанских документах подчеркивается, какие огромные усилия были затрачены на сооружение и поддержание этих святых домов и пирамид.

Для постройки первого храма в основанном ими городе во внутренних районах Мексики, который позже стал столицей ацтеков, мексиканские вожди объединили силы всего народа. А их потомки, власть которых непрерывно усиливалась, мобилизовали жителей многих завоеванных ими стран для возведения гигантских храмов. Дворец знаменитого короля Тезкуко Нетзабдалкойти, похожий на город, включал в себя не менее сорока храмов. О том, какое огромное число людей было занято на строительстве этого города-храма, говорилось выше. Подобно гигантским рабочим командам Мексики, трудовые армии Тезкуко включали в себя все подлежавшее мобилизации население страны.

В другой стране главного озерного региона Куаутитлана за крупномасштабными гидравлическими работами последовало строительство гигантского храма, которое продолжалось тринадцать лет.

В Андах, как и в большинстве других областей гидравлического мира, существовала тесная связь жрецов с правительством. Инки тратили огромные средства на украшение своих пирамид и храмов и привлекали для сбора необходимых материалов, их доставки к месту строительства и самого строительства любое количество людей, которое им было нужно (*Сиезо де Леон П.* Владелец инков).

Руководители гидравлического общества – великие строители

Как мы уже убедились, люди, возглавлявшие гидравлические сообщества, где бы они ни жили – на Ближнем Востоке, в Индии, Китае или в доколумбовой Америке, были великими строителями. Эта формула справедлива как для эстетических, так и для технических аспектов проблемы; они и вправду были тесно взаимосвязаны. Ниже мы приводим краткое описание обоих этих аспектов в связи со следующими типами гидравлических и негидравлических работ:

I. Гидравлические работы

A. Продуктивные сооружения (каналы, акведуки, водохранилища, шлюзы и дамбы для ирригации)

B. Защитные сооружения (дренажные каналы и дамбы для предотвращения наводнений)

C. Акведуки, по которым поступает питьевая вода

D. Навигационные каналы

II. Негидравлические виды работ

A. Сооружения для обороны и связи

1. Стены и другие оборонные структуры

2. Дороги

B. Сооружения, обслуживающие общественные и личные нужды светских и религиозных владык гидравлического общества

1. Дворцы и столицы

2. Гробницы

3. Храмы

Эстетический аспект

Неодинаковый подход к внешнему виду

Большинство авторов, которые описывали грандиозные сооружения Азии и древней Америки, уделяли основное внимание негидравлическим монументам. Среди гидравлических структур больше всего места отводилось для акведуков, по которым поступала питьевая вода, и навигационных каналов, а о продуктивных и защитных сооружениях гидравлического сельского хозяйства говорилось гораздо меньше. Очень часто о последних вообще не упоминалось. Среди негидравлических строений лучше всего были изучены «большие дома» правителей и священнослужителей, а также гробницы великих людей. Зато о крупных коммуникациях и защитных сооружениях сообщалось мельком.

Подобное «несправедливое» отношение к гигантским сооружениям гидравлического общества вовсе не случайно. По функциональным, эстетическим и социальным причинам гидравлические сооружения не столь впечатляющи, как не-гидравлические. Те же причины порождали и неодинаковое отношение внутри самих этих категорий.

С функциональной точки зрения ирригационные каналы и защитные валы распределяются по ландшафту широко и равномерно, в то время как дворцы, гробницы и храмы разбросаны по разным местам. С точки зрения эстетики большинство гидравлических сооружений строилось в чисто утилитарных целях, в то время как дворцы, храмы и гробницы великих людей обязательно должны быть красивыми. С социальной точки зрения организаторы распределения людской энергии и материалов относились к той же категории, которая напрямую

наслаждалась благами многих негидравлических структур. Поэтому они стремились вложить в эти структуры (дворцы, храмы и столицы) максимум эстетических усилий, а во все другие – самый минимум.

Разумеется, этот контраст не имеет абсолютного характера. Некоторые ирригационные сооружения: дамбы, акведуки, навигационные каналы, дороги и оборонительные стены и башни – очень красивы. А близость к центру власти могла подвигнуть чиновников, отвечающих за строительство набережных, акведуков, дорог, мостов, стен, ворот и башен, к их украшению, если это позволяли материалы и затраты труда.

Но это не меняет два основных факта: большинство гидравлических и негидравлических общественных сооружений с эстетической точки зрения обладают меньшей привлекательностью, чем королевские дворцы, храмы и гробницы, а самая важная часть гидравлических сооружений – каналы и дамбы – с точки зрения искусства отличаются большой скромностью.

Монументальный стиль

Тем не менее дворцы, правительственные здания, храмы и гробницы имеют одну общую черту с «общественными» сооружениями: их обычно делают очень крупными. Излюбленный архитектурный стиль гидравлического общества – это стиль монументализма.

Его черты хорошо заметны в поселениях индейцев пуэбло, очень похожих на крепости. Он присутствует и в храмовых городах, дворцах и крепостях древних государств Центральной и Южной Америки. В этом же стиле сооружались гробницы, город а-дворцы и царские монументы Египта в эпоху фараонов и Древней Месопотамии. Ни один человек, которому довелось увидеть городские ворота и стены какой-нибудь китайской столицы, к примеру Пекина; который бродил по площадям Запретного города и проходил через его гигантские дворцовые ворота, чтобы посетить не менее грандиозные дворцовые здания, древние храмы и личные резиденции, не мог не поразиться их монументальному виду.

Лучше всего проявляется монументальный стиль гидравлической архитектуры в пирамидах и гробницах куполообразной формы. Здесь эстетический эффект достигается минимумом идей и максимумом материала. Пирамида – это не более чем огромная куча каменных глыб, уложенных в симметричном порядке.

Общество Древней Греции, жизнь которого основывалась на владении собственностью и с каждым годом становилась все более индивидуалистичной, отказалось от слишком массивной архитектуры, которая появилась во время квазигидравлического Микенского периода. Во вторую половину 1-го тысячелетия до н. э., когда всем Ближним Востоком управляли Александр Македонский и его преемники, архитектурные концепции Эллады изменились и сделали гидравлический стиль более рафинированным, не уничтожив, однако, присущей ему монументальности.

В исламском мире оба стиля слились и создали третий. Сооружения этого стиля появились как в западном форпосте исламской культуры – Мавританской Испании, так и в великих восточных центрах ислама: Каире, Багдаде, Бухаре, Самарканде и Стамбуле. Тадж-Махал в Агре и сходные с ним здания демонстрируют, что те же силы работали и в Индии. На этом субконтиненте до исламского вторжения господствовала своя собственная, очень богатая монументальная архитектура.

Институциональное значение

Стоит ли говорить о том, что другие аграрные цивилизации тоже сочетали красоту архитектуры с величиной своих сооружений. Однако гидравлические правители Востока отличались от светских и церковных владык древнего и средневекового Запада тем, что, во-первых, их строительные предприятия захватывали практически все сферы жизни, а во-вторых, их кон-

троль над трудовыми и материальными ресурсами всей страны позволял им достичь поистине грандиозных результатов.

Фермы, получавшие достаточное количество влаги за счет дождей, не нуждались в объединении сил в масштабе всей страны, в отличие от стран с гидравлическим типом сельского хозяйства. Многие поместья европейских рыцарей превратились в укрепленные резиденции (замки), но их размер ограничивался числом крепостных крестьян, которых можно было согнать на их сооружение. Поэтому короли, будучи в своей стране всего лишь главными феодалами, строили свои замки, используя только ту рабочую силу, которой располагал его личный домен.

Концентрация средств в региональных церковных центрах позволяла создавать самые крупные средневековые здания: церкви, аббатства и соборы. Следует отметить, что эти сооружения создавались структурой, которая, в отличие от всех других крупных западных институтов, имела возможность совмещать феодальные и гидравлические методы организации работ.

Что касается национальных ресурсов и социального контроля, то надо отметить, что гидравлические государства не имели себе равных в негидравлическом мире. Весьма скромный по своим размерам Тауэр в Лондоне и рассеянные по всей Европе средневековые замки демонстрировали особенности сбалансированного баронского общества Великой хартии вольности не менее четко, чем огромные административные города и колоссальные дворцы, храмы и гробницы Азии, Египта и древней Америки, которые свидетельствовали об организационной координации и мобилизационном потенциале гидравлической экономики и государственного управления.

Другие крупные предприятия, которыми также управляло гидравлическое правительство

Сравнительный обзор

Правительство, которое обладало способностью руководить крупными гидравлическими и негидравлическими проектами, могло, по своему желанию, возглавить и те отрасли экономики, которые не были связаны со строительством. Это были отрасли, поставлявшие сырье: полезные ископаемые, соли и тому подобное; а также производство оружия, тканей, колесниц, мебели и так далее. Если производство в этих отраслях отличалось крупными масштабами, то его, по большей части, напрямую контролировало гидравлическое правительство или их монополизировало. В Египте эпохи фараонов и Перу эпохи инков преобладало государственное управление. При более дифференцированных социальных условиях правительство ограничивалось тем, что передавало часть шахт, добычи соли и прочее в руки частных предпринимателей, осуществляя за ними строгий контроль и облагая высокими налогами. Само оно при этом продолжало напрямую руководить большей частью заводов и фабрик.

Сравнив эти факты с тем, что нам известно о гидравлических и негидравлических строительных операциях государства, мы можем определить, какое место занимало гидравлическое государство в сельском хозяйстве и промышленности.

Таблица 1

Правительственное управление в сфере сельского хозяйства и промышленности

Институциональная структура	Сельское хозяйство		Промышленность			
	мощные водные сооружения	фермы	добыча полезных ископаемых	строительство	производство	
					крупные предприятия	мелкие фабрики
Гидравлическое общество	+	–	(+)*	+**	+	–
Прибрежные города-государства классической Греции	–	–	–	–	–	–
Средневековая Европа	–		–	(+)***	(+)***	–
Торговая Европа	–	–	–	–	–	–

Обозначения:

+ преобладало

(+) имело огромное значение

– было незначительным или вообще отсутствовало

() ограниченная тенденция или модифицированная под влиянием факторов, указанных в тексте

* Простые условия.

** В масштабе всей страны.

*** В пределах поместий.

В Древней Греции добыча полезных ископаемых находилась в основном в руках деловых людей, получавших на нее лицензию. Пока предприниматель, имевший лицензию, отдавал фиксированную долю продукции государству, он пользовался «очень широкими» правами. «О нем говорили, что он купил рудник, организовал производство, как считал нужным, вся добытая руда принадлежала ему, и он имел право передавать свою концессию в третьи руки».

В средневековой Европе добыча сырья тоже находилась в основном в частных руках; предприниматели, получив концессию от короля или местных властей, занимались добычей независимо от них, в основном с помощью шахтерских кооперативов. Некоторые меркантильные правительства Европы сами управляли работой шахт, но большая часть этих предприятий принадлежала частным владельцам, находившимся под строгим контролем государства. Вся эта структура сильно отличалась от системы правительственного управления рудниками и шахтами, которая господствовала в Египте эпохи фараонов и у инков Перу. Меркантилистское использование напоминает по форме, но не по сути, политику, существовавшую в ряде наиболее дифференцированных гидравлических обществ, где существовало смешанное управление. Отдельные шахты принадлежали правительству, но существовали и частные, на которые можно было приобрести лицензии.

За исключением добычи полезных ископаемых, промышленные производства восточного и западного абсолютных режимов сильно отличались друг от друга, а в феодальной Европе имелось даже определенное сходство между гидравлическим и феодальным обществом. В гидравлической стране большая часть немногочисленных крупных промышленных предприятий находилась под управлением государства. На Востоке же они в основном принадлежали частным владельцам, а государство осуществляло над ними контроль, проявлявшийся в разных видах. В прибрежных городах-государствах Греции правительство не имело никакого желания заниматься промышленным производством, да и знаний и способностей для этого у него не было. Правители средневековой Европы, столкнувшись с иной ситуацией, вели себя по-другому. В своих поместьях они держали мастерские, в которых работали крепостные мастера, удовлетворявшие потребности своих хозяев. Феодалы также заставляли своих крепостных участвовать в строительстве «больших домов» или замков. Сходство между манориальной системой кооперативного труда и гидравлическими работами очевидно. Но функциональное сходство ограничивалось различиями в социальном положении. Средневековые короли и бароны могли использовать лишь труд своих крепостных, а гидравлические лидеры сгоняли на крупные работы как неопытных, так и умелых работников с больших территорий, а иногда – и со всей страны.

Тем не менее решающее различие между гидравлическим обществом и тремя цивилизациями, с которыми мы его сравниваем, ограничивалось, если говорить о промышленном производстве, лишь сферой строительных работ. Именно в этой сфере оно достигало таких результатов, которых в аграрном или торговом обществах достичь было невозможно.

Полное институциональное значение этого факта становится очевидным только в том случае, если соединить его с соответствующим аграрным развитием. Управляемые правительством сложные работы, связанные с водой, приводят к тому, что крупномасштабный руководящий аппарат сельского хозяйства попадает в руки государства. Управляемые им строительные работы превращают его в неоспоримого хозяина наиболее важного сектора крупномасштабной индустрии. В двух главных сферах производства государство занимает неоспоримое первенство, осуществляя оперативное лидерство и организационный контроль.

Гидравлическое государство оказывает на трудящихся более сильное давление, чем владельцы капиталистических предприятий

В обеих сферах гидравлическое государство рекрутирует и контролирует трудовые массы нужного ему размера с помощью методов принуждения, которые у феодального лорда имелись в незначительном количестве и могли применяться только на ограниченной площади. Эти методы коренным образом отличались от капиталистических. Гидравлические лидеры были достаточно сильны, чтобы решать в масштабе всей страны такие задачи, какие феодальный суверен или помещик мог выполнить лишь в пределах своего домена. Эти лидеры заставляли простолюдинов работать на них на барщине.

Работа на барщине – это принудительный труд. Но, в отличие от рабского, который является постоянным, барщина – это временная, хотя и повторяющаяся из года в год, повинность. Отработав определенный срок на господина, крестьянин возвращался домой и мог заниматься своими делами.

Крестьянин, таким образом, был свободнее раба. Но он пользовался меньшей свободой, чем наемный работник. Он не имел возможности торговаться на рынке труда; это было справедливо и для тех случаев, когда государство снабжало его провизией (на Ближнем Востоке это часто ограничивалось «хлебом и пивом») или платило небольшую сумму денег. В районах с высокоразвитой денежной экономикой гидравлическое государство могло ввести налог на барщину и не подвергать мобилизации, а нанимать нужное число работников. Такое практиковалось в больших масштабах в Китае в последние годы правления династии Мин и во время большей части правления Цин.

Но здесь, как и везде, правительство устанавливало размер заработной платы совершенно произвольно. И всегда держало работников в полувоенном подчинении. Гидравлическое государство всегда имело возможность использовать рабочую силу по своему усмотрению, не важно, нанимало ли оно рабочих или мобилизовывало. Единственным исключением были времена явного политического кризиса. Говорили, что правитель Моголов Акбар с помощью своего фирмана (приказа) мог набрать столько работников, сколько хотел. Его аппетиты ограничивались лишь количеством людей, живших в его империи. *Mutatis mutandis* (с определенными оговорками) это высказывание справедливо для всех гидравлических цивилизаций.

Подлинный и специфический тип административного режима

Таким образом, гидравлическое государство выполняет несколько значимых управленческих функций. В большинстве случаев оно организует выполнение очень важных для страны гидравлических работ, а в аграрном секторе является единственным оператором крупных подготовительных и защитных мероприятий. К тому же оно контролирует работу главных негидравлических промышленных предприятий, в особенности сооружение крупных объектов. Это справедливо даже для определенных «маргинальных зон», где гидравлические работы не достигают большого размаха.

Гидравлическое государство отличается от современного тотального государства тем, что оно основано на сельском хозяйстве и оперирует лишь частью экономики страны. Оно отличается от стран с индустриальным обществом минимальным вмешательством в экономику, которая базируется на частной собственности, тем, что выполняет свои экономические функции с помощью команд, то есть принудительного труда.

Глава 3

Государство, которое сильнее общества

Неправительственные силы, конкурирующие с государством за социальное лидерство

Гидравлическое государство – это, по сути своей, командное государство, и этот факт имеет далекоидущие последствия для общества. Управляющее гидравлическими и другими гигантскими сооружениями государство не позволяет неправительственным силам общества кристаллизироваться в независимые органы, у которых будет достаточно силы, чтобы уравновешивать и держать под контролем политическую машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.